

ЯВЕТИК ИСЯЯКЯН

СЕРДЦЕ МОЕ
НА ВЕРШИНАХ ГОР

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ДВЕТИК ИСЛЯКЯН

СЕРДЦЕ

МОЕ

НА ВЕРШИНАХ

ГОР

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОЭМЫ,
БАЛЛАДЫ, ЛЕГЕНДЫ, БАСНИ

ПЕРЕВОД С АРМЯНСКОГО

Москва
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1975

С (Арм)
И 85

Составитель, автор вступительной
статьи и примечаний
СУРЕН ГАЙСАРЬЯН

Оформление
Н. Кравченко

И 70803—581
М101(03)75 311—75

© Состав и вступительная статья. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1975 г.

А В Е Т И К И С А А К Я Н (1875—1957)

При жизни поэта простое и емкое слово «Варпέт» («Мастер») служило в Армении вторым именем Аветика Исаакяна. Так лаконично и в то же время сердечно и почтительно обращались к нему тысячи и тысячи самых различных людей. Популярность его была огромна. Это и неудивительно. Исаакян, прожив долгую жизнь, своим сердцем, помыслами, творчеством всегда был с народом.

Но Исаакян много странствовал по городам и весям Западной Европы и довольно рано приобрел также и международную известность. Валерий Брюсов говорил о нем, как о «большом мастере» поэзии, который «выступает, как один из европейских поэтов».

Александр Блок, ознакомившись с образцами его творчества, писал о нем, как о «первоклассном поэте», добавив, что «может быть, такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет».

А в 1957 году известный французский поэт-коммунист Луи Арагон, откликаясь на смерть 82-летнего Исаакяна и как бы подводя итоги деятельности армянского поэта, назвал его имя среди тех немногих избранных, без творчества которых трудно представить поэзию XX века.

* * *

В высокогорной, каменистой Армении есть своя «черноземная область», богатая пашнями, полями, пастищами. Это Ширак. Здесь, на Ширакском плато, в мало примечательной деревушке Газарапат, близ города Александраполя (ныне Ленинакан) сто лет тому назад 30 октября 1875 года родился мальчик, которому суждено было стать всемирно известным поэтом.

Первые жизненные впечатления мальчика связаны с величавой природой родного края. Над всей этой местностью владычествует гора Арагац — четырехглавый снежный великан, то купающийся в золоте лучей, то облачающийся в мрачные тучи и едва заметный сквозь туманную завесу.

От родных мест Исаакяна до подножия и склонов этой высокой и красивой горы рукой подать. Детство поэта прошло среди лугов, пастбищ с субальпийскими сочными травами, яркими цветами и звонко-звукными, кристально-чистыми ручейками и речками.

Наверное, отсюда, от этой природы, а также от бесхитростного быта ремесленного, трудового городка Александрополя с его людьми, наделенными прямотой характера и необычайным острословием, поэт вынес свежесть и непосредственность чувств, безграничную любовь к матери-родине, глубокую преданность народным идеалам.

Учился Аветик Исаакян сначала в александрапольской школе, а потом в Эчмиадзинской духовной академии. Семнадцать лет уже писал стихи и печатался. Велика была жажда знаний. В своих школьных дневниках он поклялся, не жалея сил, овладевать знаниями, посвятить всю жизнь науке, искусству.

1893—1895 годы юный поэт провел в Германии, куда поехал продолжать свое образование. В Лейпцигском университете слушал лекции по философии, истории, литературе, знакомился с мировой классикой, проявляя особый интерес к выдающимся памятникам народного творчества.

По письмам, которые присыпал юноша Исаакян из Германии, видно, как серьезно относился он к занятиям, как быстро расширялся круг его духовных запросов, пополнившись знаниями и росла требовательность к деятелям национальной культуры, к себе самому. С горечью он отмечает, что многие из молодых армян не знают родной истории, литературы. И в то же время осознает, как много надо приложить сил, чтобы поднять уровень культуры в родной стране.

Время вступления Исаакяна в литературу — девяностые годы прошлого столетия — крайне тяжкое для армян время.

В Восточной Армении, входящей в состав Российской империи, царизм всячески препятствовал развитию армянской культуры, преследовал национальную интеллигенцию. Закрывались школы, газеты, журналы. Запрещались спектакли. Писателей ссылали — чтобы они жили подальше от родных мест, не общались с народом.

В Западной Армении народ изнывал под вдвойне жестоким гнетом султанской Турции, ставшей на путь открытых кровавых расправ с трудовым армянским населением. Багровое пламя чудовищных злодействий — погромов и резни — пыхало над древней землей.

Тягостная судьба родины определила содержание и характер творчества Исаакяна. Песни и раны, горе и заботы, любовь и тоска народа, думы о свободной, счастливой жизни переполняли сердце поэта. Все это находило отражение в задушевных, певучих стихах, которые сразу полюбились читателям.

По семейным обстоятельствам Исаакян вынужден был вернуться из Германии. И вскоре — в 1896 году — царские власти арестовали его за участие в национально-освободительном движении. В Ереванской тюрьме он просидел год. Спустя некоторое время поэта сослали на поселение в Одессу, тоже на год.

Незадолго до ссылки, в том же 1898 году, вышла в свет первая книга Исаакяна под названием «Еркер у веркер», то есть «Песни и раны». С этой книги начался славный поэтический путь будущего Варпета. Она принесла автору широкое признание. Много стихотворений тогда же было переложено на музыку. Песни поэта подхватывались тысячами уст, распевались в народе.

Исаакян часто путешествует, пристально присматриваясь к жизни других стран, пополняя свои знания. В 1900—1901 годах он снова за границей: в Швейцарии слушает лекции в Цюрихском университете. Затем возвращается на родину, странствует по Кавказу, по Центральной России. В 1906 году предпринимает третье путешествие по Западной Европе.

По возвращении на Кавказ, в конце 1908 года, власти

вторично арестовали Исаакяна, и он просидел полгода в Тбилисской тюрьме. Царская охранка видела отныне в авторе свободолюбивых произведений опасного врага самодержавия и неотступно преследовала поэта. И он был вынужден в 1911 году надолго уехать за границу, став политическим эмигрантом.

* * *

Лирику Исаакяна отличают страстные, мучительные поиски счастья, истины, неутоленность чувств, предельная искренность. Печаль и тоска внезапно сменяются озарениями веры и надежды, горе и обиды переливаются то в щемящее сердце раздумье, то в гневные, набатные строки. Стихи отмечены особой взволнованностью, непосредственностью чувства, покоряющей интонацией. В подлиннике очень музыкальны, легки, стремительны.

По-сыновнему нежно поэт обращается к родине:

За тебя умереть всегда я готов,
Ах, мала мне одна эта жизнь моя,—
Мне б тысячу жизней и еще одну —
И все их тебе бы отдал я.

(Перевод Н. Тихонова)

Слова «родина» и «мать» часто звучат в его стихах как синонимы, как одинаково высокие, дорогие понятия. С большой теплотой воспел он сыновние чувства к матери. А мать у Исаакяна всегда в разлуке с сыном, всегда в тревоге, в ожидании вестей издалека.

В силу суровых социально-исторических обстоятельств армяне рассеивались по свету. То они спасались от преследований угнетателей, то их гнала нужда. Юноши, возмужав, покидали родные очаги, уходили на поиски заработка, лучшей доли, — скитались по чужим странам.

Вот почему в лирике Исаакяна весьма значительную роль играет образ дороги. Она или безвестная, неведомо куда ведущая, запутанная, безвыходная, или зовет, в поисках спасения от «цепей и мук» жизни, на горные высоты, в пустыни. Часто дорога — «путь смерти» или «путь к бою с вра-

гом». Или, наконец, путь к великому светилу, к солнцу — к идеалу, как в поэме «Абул Ала Маари».

С дорогой же связан образ ожидания — день и ночь ждут у дороги возвращения путника или весточки от него. Ждут жена, возлюбленная, сестра, но больше всего — мать. Ждут с нетерпением, с тоской, с замиранием сердца, с затаенной лаской. Но ожидание это не всегда вознаграждается — большей частью путник не возвращается.

В романтических балладах, легендах, в лирике Исаакяна создал возвышенные образы любящих. Ощущение любви, этого самого человечного из всех человеческих чувств, у поэта сливается с ощущением торжества жизни. Радость бытия раскрывается в любви — только любящий познает всю красоту мира: «Нежные птицы сладко поют. Кто поймет их язык? Тот, кто плакал от ран любви, кто во сне превращался в птицу».

По тонкости, по высоте чувства обаятельны любовные песни поэта. По Исаакяну, любовь — всеобъемлющее чувство, в котором человек проявляется во всей полноте и яркости своего сердца, ума, души — всего духовного облика.

* * *

В палитре Исаакяна не одни только нежные тона. Когда надо, краски сгущаются, становятся броскими. Интонация резко меняется, голос поэта звучит призывающе, пророчески.

Так в предчувствии революционных событий 1905 года в «Колоколе свободы» он зовет:

Все души непокорные — в полет!
Пусть колокол свободы в грозный час
Раскачивать рука не устает,
Чтоб вольный гул услышал весь Кавказ.

(Перевод П. Тихонова)

Обращаясь ко всем, «кто выковал цепи для своих рук», кто «свой горький обильный пот превратил в проклятье и бремя», поэт говорит:

...Мой стих суровый к мщению зовет.
Возмездия и ненависти яд
Я вам в сердца вливаю без конца,
Я говорю: ты, кто разут, раздет,
Ты, у кого угла и пищи нет,
На ком оковы тяжкие звенят,
Кто жаркий пот в чужую ниву льет,—
Восстань, восстань! На гибель палачу
Я для тебя оружие точу...
И руку подымаю я твою,
Как мстительную гибкую змею...

(Перевод Н. Чуковского)

С наибольшей силой, гневно, горячо прозвучал протест поэта против рабства, «волчьих нравов», лжи, угнетения, лицемерия, морального падения человека в поэме «Абул Ала Маари». Это произведение навсегда уже не только печальной судьбой родной Армении, но и бесправным положением простых людей везде, где он бывал и наблюдал за строем и течением жизни.

В потоке проклятий и обличений героя поэмы, в его бегстве к Солнцу — «он к Солнцу, он к Солнцу упорно летел, сам солнцу подобен, как солнце горя» — выражены подлинные чувства автора, его неудовлетворенность укладом жизни, стремление к высокому идеалу Человека с большой буквы.

* * *

Вынужденно покинув в 1911 году родину, в дальнейшем Исаакян долгие годы ведет несладкую жизнь эмигранта. Это трудное, напряженное время тяжких раздумий, новых разочарований, сомнений, тревог. Кровавые события первой мировой войны еще более омрачили сердце поэта. Скитаясь по городам Европы, он изнемогает от душевных ран, ни в чем не находя утешения, горько размышляет о попранном гуманизме.

Падение самодержавия и еще больше победоносная Октябрьская социалистическая революция воодушевили Исаакяна. Появилась надежда, что Армения наконец будет свободной и он сможет вернуться на землю отцов.

Живя в Женеве, в 1919 году поэт создает по мотивам народного эпоса своего «Мгера из Сасуна». В центре поэмы-сказа образ героя-богатыря, друга бедных, одержимого идеей установить справедливость на земле:

Чтоб труженик стал хозяином сам
Труду своему и своим хлебам.

(Перевод К. Липскерова)

Мгеру поначалу не удается изменить заведенные в мире порядки. Все его усилия пропадают даром — его не поддерживают массы людей. Герой вынужден замкнуться в каменной пещере и ждать решающего часа,

Когда нож до кости
Дойдет
И Мгера народ
Позовет...

Долго, долго богатырю пришлось ждать заветного часа. И вот по зову восставших трудовых масс Мгер выходит на конец из своего заточения на свободу и ведет подневольный люд к борьбе со старым корыстным и злым миром — таков эпилог поэмы. «После Октябрьской социалистической революции,— сказал Исаакян,— я понял, что настал час освобождения Мгера...»

* * *

Под многими стихами Исаакяна обозначены места, где он бывал, где писалось то или иное стихотворение. Листая книгу, будто видишь схему его скитаний: города и села Армении, Закавказья, России, а затем города Германии, Швейцарии, Турции, Франции, Италии.

Однако сколько бы ни путешествовал поэт по чужбине, ни один город сам по себе не вошел в круг его лирических интересов, переживаний. Даже в стихотворениях, озаглавленных «Внутри Помпей» и «В Равенне», поэт остается со

своими думами, с миром привычных образов. Где бы ни находился Исаакян, невидимые нити связывали его с родной страной. Она жила в его сердце, в мечтах. Теперь возрожденная, новая Армения звала, манила своего любимого певца-скитальца.

Так в 1926 году, после пятнадцатилетнего отсутствия, Исаакян впервые приехал на волнующее свидание с родиной. С этого времени он стал верным другом страны социализма, связал свою судьбу с Советской Родиной.

Меня чаруешь речью ты прекрасною,
Меня влюбленным зовом кличешь ты.
Тебя я вижу новую и ясную
С чертами древней, вечной красоты.

(Перевод В. Державина)

Так писал поэт о вновь обретенной родине.

Прожив почти четыре года в Советской Армении, Исаакян вернулся в Париж, где оставалась его семья, где ждали его незавершенные дела. Здесь он активно выступал в прогрессивной печати в защиту новой жизни, новых порядков в нашей стране.

В 1936 году поэт окончательно переехал в Ереван. И так началась необычайная, радостная пора в его жизни.

Отыне Исаакян становится одним из видных и популярных деятелей советской культуры, пишет, редактирует, учит молодых писателей, участвует в работе Армянской Академии наук.

Поэтические произведения Варпета, созданные в советский период, отличаются традиционной строгостью формы, лаконизмом, гармонией частей, содержательной простотой, завершенностью и пластичностью образов.

Взять хотя бы стихотворение, посвященное тысячелетию армянского народного эпоса «Давид Сасунский» и названное «Наши историки и наши гусаны». В нем всего шестнадцать строк. И на этой, так сказать, малой площади меткими, точными словами автор воссоздает зрывные образы древних летописцев и народных певцов. Как разительно они не сложны!

Первые — в уединенье, в темных кельях, от скорби сгорбясь, без сна, ночами, перед лампадою — записывают беды, несчастья, оплакивают судьбу родины и во всем надеются на бога. Вторые — в сельских хижинах, среди народа, у очага — поют песни, запивая их вином. И, славя подвиги героев, учат охранять отчизну, держа наготове меч.

Эти контрастные образы в то же время как бы олицетворяют два течения древней армянской культуры. Одно развивалось в строгих монастырских стенах, другое — в гуще народной жизни. Если произведения летописцев, записанные на пергаменте, были доступны в то время немногим, владеющим грамотой, то песни и сказания, создаваемые безымянными авторами среди народа, передавались из уст в уста, от поколения к поколению.

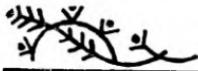
* * *

Гитлеровское нашествие на нашу страну Исаакян, как и все советские люди, встретил с огромной душевной болью. И в первые же дни войны вззволнованно написал стихотворение «Боевой клич», зовущее советских людей на подвиг во имя Родины, на достойный отпор врагу:

Вступайте в перекличку меж собой!
Все ль на ногах и все ль готовы в бой?
Да опояшет каждый стан броня,
Да опояшет воля гордый дух,
Да опояшет поясом огня
Великий гнев наш дружественный круг!

(Перевод В. Звягинцевой)

Поэт остро ненавидел фашизм, твердо верил в нашу победу, нетерпеливо ждал ее. Он считал, что нет силы, которая могла бы противостоять объединенной мощи советских народов, Советского государства. А в День Великой Победы старый поэт счел своим долгом написать сердечные слова в память героев, павших на полях жестоких сражений за свободу Родины.

Патриарх национальной поэзии, Аветик Исаакян был окружен поистине всенародной любовью. Его избирали депутатом Верховного Совета Армянской ССР, он был награжден двумя орденами Ленина, ему присуждалась Государственная премия. 80-летие его, за два года до смерти, отмечалось с подлинной сердечностью, как настоящий праздник поэзии.

Творчество Аветика Исаакяна — великого поэта Армении — широко известно и любимо не только на его родине. Избранные произведения Варпета переведены на десятки языков народов СССР и зарубежных стран. Его ясные и мудрые книги будут долго жить, зовя людей к свершениям во имя справедливости, правды, красоты.

Сурен Гайсарьян

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Уж солнце за вершиной гор,
И даль лугов мутна.
Умолк уснувший птичий хор,
А я не знаю сна.

Сквозь крышу месяц заглянул,
Весы приподнялись,
Прохладный ветер потянул
К звездам, в ночную высь.

О нежный ветер, звездный свет,
Где яр мой в эту ночь?
О звезды, вас прекрасней нет,
Где бродит яр всю ночь?

Рассвет настал и в дверь вошел,
Туман и дождь идет.
Ал-конь пришел, один пришел,
Ах, яр домой нейдет!

1891
Эмиадзин

Ночью в саду у меня
Плачет плакучая ива,
И безутешна она,
Ившушка, грустная ива.

Раннее утро блеснет —
Нежная девушка-зорька
Ившушке, плачущей горько,
Слезы кудрями отрет.

1891
Александроволь

* * *

Я дам тебе душу, ты душу мне дай,
Желанная, с негой очей!
Мое сердце — долина, любовь твоя — роза
Пусть расцветает в ней.
Мое сердце — ночь, любовь твоя — луч
Пусть засияет в ней.

1892

Икдыр

Хочешь — я росою в очи
Просверкаю ярче гроз,
Дуновеньем летней ночи
До твоих коснусь волос?

Хочешь — вспыхну сердца рядом
Розой в царственном венце,
Солнца утреннего взглядом
Заиграю на лице?

Хочешь — деревом и тенью
Стану и среди ветвей
Дам укрытье вдохновенью
Птиц над головой твоей.

Хочешь — буду чем угодно:
Тьмою ночи, светом дня,
И скалой, и гладью водной,—
Только ты люби меня!

1892

Харич

* * *

Певец я — птица в вышине,
Земных богатств не надо мне,

Люблю цветы и милых дев
В благоухающей весне.

И нежный шепот я люблю
И песню горя в тишине.

1893

Александрополь

Товарищ, вперед!
С надеждой в груди
В пустыне морской,
Мученья терпя,
Свой парус веди
Сквозь бешенство бурь,
Сквозь яростный бой!

Товарищ, вперед!
Вдали,— погляди,
Надежды маяк
Горит пред тобой!

1893

Черное море

* * *

Один, без друзей, я в твой крутень попал,
Житейского моря разгневанный вал.

Один, среди волн,
Надеждами полн...

Я должен прорваться сквозь ярость зыбей,
Я должен пробиться к святыне моей —

К великой мечте,
Любви, красоте!..

Беснуются волны и кроются мглой.
О сердце, будь стойкой, могучей скалой,
Будь чище росы
Под гневом грозы...

Пусть буря бушует, пусть море кипит,
Пусть громом и молнией небо грозит,
Пусть гаснет в тумане огонь маяка,
Пусть берег невидим, но в сердце моем
Надежда крепка!

Со мною навек
Упованья мои —
Величье души,
Заветы любви.

Как силы небесные, вы — мой оплот —
Вручили мне меч для великой борьбы,
И дали мне крылья на дерзкий полет,
И дали мне щит против грозной судьбы...

1893

Vena

* * *

В груди моей — радость творенья,
Небо во мне поет,
Пожар любви пламенеет,
Горя поток ревет...

И если к тебе донесется
Из песен моих хоть одна,
Навек ее обаяньем
Душа твоя будет полна.

И если хоть малая искра
Пожара моей любви
В тебя западет,— разольется
Огонь и в твоей крови.

И если хоть капля горя
Бушующего моего
Падет на тебя, ты разделишь
Со мной исступленье его.

В груди моей — радость творенья,
Небо во мне поет,
Пожар любви пламенеет,
Горя поток ревет.

1893

Вена

МОЕЙ МАТЕРИ

От родимой страны удалился
Я, изгнаник, без крова и сна,
С милой матерью я разлучился,
Бедный странник, лишился я сна.

С гор вы, пестрые птицы, летите,
Не пришлось ли вам мать повстречать?
Ветерки, вы с морей шелестите,
Не послала ль привета мне мать?

Ветерки пролетели бесшумно,
Птицы мимо промчались на юг,
Мимо сердца с тоскою безумной
Улетели бесшумно на юг.

По лицу да по ласковой речи
Стосковался я, мать моя, джан,
Был бы еном я,— далече, далече,
Полетел бы к тебе, моя джан;

Ночью душу твою целовал бы,
Обнимал бы, как сонный туман,
К сердцу в жгучей тоске припадал бы,
И смеялся, и плакал бы, джан!

1893
Дрезден

* * *

Ночь подошла, прохлады полна,
Звезды луну зовут на простор,
Вышла и светит сквозь сумрак она.
Птичий мне слынится хор.

Я прикоснулся к сердечным струнам,
Глядя в свободную высь,—
Сердце разбилось мое пополам,
Струны, звения, порвались.

Только одна уцелела струна,
Только ее не порви!
Всю мою жизнь согревает она
Солнечной песней любви.

1893

Арина

В бездне бед житейского моря,
Как скала, я крепко стою.
В блеске молний, с грозами споря,
Как скала, я крепко стою.
Пусть бушуют ветер и выюга!
Как скала, я крепко стою.
Волны бьют, сменяя друг друга,—
Как скала, я крепко стою.
Кто ко мне плывет — не утонет,
Как скала, я крепко стою.
Эй, ко мне! Пускай море стонет,—
Как скала, я крепко стою!

1894

Лейпциг

* * *

Вот я какой увидел сон:
У дома, где сияешь ты,
Родник пробился, окружен
Цветами редкой красоты.

И подошел я к воротам,
Чтоб злую жажду утолить,
И вдруг воды не стало там...
О, хуже сна не может быть!

Проснулся и в тоске поник:
Я — жаждущий, а ты — вода.
Любовь твоя, как тот родник,
Иссякла навсегда!

1894
Лейпциг

* * *

Я болен, родная, истерзан душой.
Взгляни, как изранено сердце мое,—
Излечишь ли раны глубокие ты?
Они — отражение скорби иной,
    Всей скорби земной.

Я болен, как небо болеет грозой.
Ты слышишь, какие я песни пою?
Бездонное горе в напевах моих,
Возможно ли песни мои остыть?
Они — отражение скорби земной,
    Страданий людских.

Оставь же меня. Пусть живет эта боль,
И слезы, и вздохи... оставь меня, мать!
Несчастному сыну ты счастье не дашь!
Ах, жаль, что не можешь ты пламя небес
И молнии грозную силу мне дать
И, в душу вложив их, вдохнуть в нее жизнь,
Не можешь ты небо и землю разъять,
Не можешь и сердце мое исцелить:
    В нем язвы и кровь.

О мать моя, мать!
Пусть вечно скитаюсь я здесь, на земле,
Встаю укоризной над шумной толпой;
Морщины глубоко чело бороздят,
Уста мои сжаты... И с вечной тоской
Один я скитаюсь, печален, угрюм,
И ощущью скорбная дума бредет
К далекому берегу этой земли.
О берег желанный, которого нет...
Пусть, глядя на чистые звезды вверху,
Я буду молчания песням внимать,
И, вечно печален, задумчив и сир,
Я буду трезогою душу терзать
И плакать, плакать...

1895
Берлин

* * *

Издалека в тиши ночной
До сердца песнь дошла.
Чья тихая душа тоской
Мне душу облекла?

В печальной песне — аромат
Баюкальной мечты.
Прибой любви священной, брат,
Услышь, безвестный, ты!

1895
Александрополь

Мечтой я на дальних бродил берегах,
Кружил одиноко на вольных крылах,
И звезды улыбок и мрачная тень
Раздумий меня окружали в ночах.
На мелях пустынных, под кручами скал
Кипела пучина, прибой бушевал.
И ветер холодный мне лоб овевал
и нес облака...
Шумели дубравы густою листвой,
И в шуме их былью вставали живой
былые века.
А в небе, в лазурной его глубине,
Как солнце горела душа в вышине.
И пламени море там виделось мне...
Там думы мои оживали в стихах,
Что я, словно звезды, рассыпал в ночах
на тех берегах...

И создал чудесный я мир, где мечта,
Где мощь, где величие и красота,
Как звезды, бессмертию сияют в веках.
Так я на далеких запел берегах,
как дух-исполин,
свободен, один...

1896
Харич

* * *

От алой розы, розы любви,
Увы — остались одни шипы!

Шипы сухие в сердце впились,
В младое сердце вошли они.
Мои зеленые, красные дни
Повиты трауром любви.
Все, все, что есть от дней весны,—
Вы, вы, колючие шипы!

1897

Александрополь

Не глядись в черный взор,
В нем безбрежность ночей,
Ужас тьмы, духи гор,—
Бойся черных очей!

Видишь: сердце — кровавый ручей,
Нет покоя с тех пор,
Как сразил чарый взор,—
Бойся черных очей!

1897

Александрополь

* * *

Косули в сумрак пронеслись
По острой горной крутизне,
На озеро взглянули вниз,
Взглянув, исчезли в тишине.

Любовь моя, ал-зелен цвет,
Ты — только горе, только прах!
Всю жизнь мою, ал-зелен цвет,
Скорбь извела, измучил страх.

Как быть? Куда укрыться мне?
Иль на пустынnyй неревал?
Там умереть бы в тишине,
Чтоб волк мне сердце растерзал!

Косули, мне покоя нет...
Ах, сердце в яростном огне!
А люди смотрят мне вослед
И исчезают в тишине...

1897
Александриполь

Шумно та звезда упала
С неба на земную грудь,
Но земля в ответ молчала.
Смертью кончен звездный путь.

Я к тебе ворвался с пежной
Песней, жаркою, как кровь.
Ты нема и безмятежна,
Но... жива моя любовь.

1897
Александриполь

* * *

- Подружка, стану я землей,
Чем станешь ты?
- Весною стану, наряжу
Тебя в цветы.
- Подружка, небом стану я,
Чем станешь ты?
- Я стану солнцем,— берегись,
Не обожгись.

1898
Одесса

Мне снилось море. В нежной
Лазури день дрожал.
На полосе прибрежной
Я раненый лежал.

Вздыхая, море млево
В раздумии своем.
Язвила рана тело
Из глубины огнем.

И светлый голос жизни
Летел из-за морей,
От берегов Отчизны —
От Матери моей.

1898
Одесса

* * *

Схороните, когда я умру,
На уступе горы Алагýза,
Чтобы ветер с вершин Манташá
Налетал, надо мною дыша.

Чтобы возле могилы моей
Колыхались пшеничные нивы,
Чтобы плакали нежно над ней
Распустившие волосы ивы.

1898
Одесса

Видит лань — в воде
Отражен олень.
Рыщет лань везде,
Ищет, где олень.

Лани зов сквозь сон
Услыхал олень.
Рыщет, ищет он,
Ищет ночь и день.

1899
Харич

На обочине горной тропы
Запыленную розой цвету.
Солнце жжет лепестки и шипы,
Опаленною розой цвету.

Любы девушки розы садов,
Проходя, не глядят на меня.
Осыпаюсь от знойных ветров,
Одинокую долю кляния.

Я ничьих не порадую глаз,
Сиротливо мое забытье.
Злая ревность шипами впилась
В одичалое сердце мое.

1899
Женева

* * *

От жгучего горя сердце мертвое,
И жизни моей иссяк родник.
Мои слезы должны океаном стать,—
Только б скорби моей не узнала мать.

Я буду скитаться один в горах,
Буду биться о камни головой.
Суждено мне волчьей добычей стать,—
Только пусть не узнает об этом мать.

1900

Цюрих

Повстречались мы через много дней...
Сердце слезы льет, улыбаюсь я.
И все та же ты, только всех милей,
О родная мне, о душа моя!

Взор спокойный твой был ко мне склонен,
Но надменно я миновал тебя.
Плыл вокруг меня светозарный сон,
Обернулся я и глядел скорбя.

Нет, вовеки врозвь не лежал наш путь,
Не стояла жизнь меж тобой и мной.
О сестра моя, мне отрадой будь,
Погляди, я твой, навсегда я твой!

1900

Александриополь

* * *

Эй, отчизна-джан, как прекрасна ты,
Горы твои — в море шелка огни,
Воды, как мед, и ветры, как мед,
Дети твои — в море крови они.

За тебя умереть всегда я готов,
Ах, мала мне одна эта жизнь моя,—
Мне б тысячу жизней и еще одну,
И все их тебе бы отдал я.

Я тысячу жизней отдам тебе
За горе твое, за детей твоих,
Одну только жизнь оставлю себе,
И ту, чтобы славу твою воспеть.

Чтоб песне лететь, дав волю крылу,
На заре твоей новой, отчизна-джан,
Чтобы звонко и сладко петь хвалу
Юной жизни твоей, отчизна-джан...

1900
Женева

* * *

В долине, в долине Сално боевой,
Ранен в грудь, умирает гайдук.
Рана — розы раскрытый цветок огневой,
Ствол ружья выпадает из рук.

Запевает кузнечик в кровавых полях,
И в объятьях предсмертного сна
Видит павший гайдук, видит в сонных мечтах,
Что свободна родная страна...

Снится нива — колосья под ветром звенят,
Снится — звякая, блещет коса,
Мирно девушки сено гребут, и звенят,
Все о нем их звенят голоса...

Над долиной Сално туча хмуро встает,
И слезами увлажился дол.
И сраженному черные очи клюет
Опустившийся в поле орел...

1900
Кюснахт

Мне снилось: я раненный в сердце лежал,
Один, от людей в стороне,
Баюкал меня набегающий вал...
Внимал я певучей волне.

Мне снилось: веселою песней звения,
Прошли в отдаленье друзья.
Никто не позвал, не окликнул меня,
И плакал, покинутый, я.

1901
Цюрих

* * *

Зима ушла, весна идет,
Скоро и снег с горы сойдет,
Снова скитальцев дорога ждет.

Где мой скиталец?.. И вести нет.
Глазам бессонным покоя нет.

Чужбина в тучах, одета мглой,—
А сердцем нежен мой дорогой...
Шипы да камни там под ногой.

Не медли боле, вернись домой,
Желанный мой, любимый мой!

С горы в долину бежит ручей,
Как слезы из моих очей...
О, не терзай ты раны моей!

Вернись: родная земля сладка,
Земля сладка, вода сладка!

1902
Bacen

Был бы на Аразе у меня баштан,
Посадил бы иву, розы я да мак,
Под тенистой ивой сплел бы я шалаш,
В шалаше бы вечно пламенел очаг!

Чтоб сидела рядом милая Шушан,
Чтобы нам друг друга у огня ласкать!
Кабы на Аразе завести баштан,
Для Шушик лилейной отдыха не знать!

1902
Bakuy

* * *

Моя душа объята тьмой полночной,
Я суетой земною истомлен.
Моей душой, безгрешной, непорочной,
Владеет дивный и великий сон.

Лазурнокрылый ангел в небе реет,
На землю дева сходит, и она
Дыханьем звезд, лобзаньем неба свет
С моей души ночные чары сна.

И день и ночь ее прихода жду я,—
Вот-вот она покинет небосклон,
Рассеет ночь души — и, торжествуя,
Я воспою мой дивный, веющий сон!

1902
Baku

Померкла душа от страданий земли,
И в тяжкой тоске я уснул наконец.
Мне снилось: на казнь меня повели,
И в лоб мне вонзился терновый венец.

И речь моя — молот была и пожар,
И кровь моя шла из-под терний венца,
И речь моя — молот была и пожар,
И речью сжигал, сокрушал сердца.

И к виселице потащили меня
У всех на виду, под конвоем штыков,
И люди шумели, как ветер гоня
Обрывки бессвязных и суетных слов.

И вот в высоту я вознесся в петле!
На лбу моем — сказочный, гордый венок.
И выли и ползали толпы во мгле,
Внизу, у моих коченеющих ног!

1902
Ahaluzh

* * *

Стосковался по родной стране
Молчаливый странник на чужбине.
Услыхать бы слово дружбы мне,
Сиротой бездомным стал я ныне.

Сердце там, где в звездной вышине
Вознеслись, в броню одеты, горы,
Скачет лань легко по крутизне,
Медленно орел парит дозором.

Сердце там, где создал наш народ
Памятники вековечной славы,
Где все с той же верой он поет
Век за веком эпос величавый.

Я вернусь, мои нагорья, к вам,
Возвращусь к родимому гнездовью.
Родине все лучшее отдаю,
Жизнь отдаю, согретую любовью.

1903

* * *

Дни золотой весны пришли опять.
Возьму свой посох, тронусь по горам.
В просторах сердцу хочется витать,
Блуждать по новым тропам и мирам.

На диких кручах розы я сорву,
Венок совью для смуглого чела.
Как облако, над высью проплыну
Путем ветров и вольного орла.

Заря златокудрявая встает,
Привет мне птицы свищут на лету,
И жаворонком сердце запоет,
Взлетая в солнечную высоту.

К лугам газели легкие скользят,
За ними я взойду — и запою
Средь пастухов, вблизи костра и стад,
Под звон свирели, про любовь мою.

И лягу перед тлеющим костром,
Под кровлей звезд, чуть мира смолкнет гул,
И листья ивы вместе с ветерком
Споют мне, чтобы крепко я уснул.

Заря разбудит, поцелуй даря,
Ветра лугов мою обвеют грудь.
В ручье, что льется серебром горя,
Умоюсь я, напьюсь и снова — в путь.

Пойду через пустыни и моря
Средь неизвестных дальних стран блуждать,
Где юная рождается заря.
Хочу все видеть, все душой познать

И вновь открыть природы чудеса,
Ее увидеть всю и ощутить,
Ее бесчисленные голоса
Запомнить и в напевах повторить.

Я прожил жизнь бродячую не зря,
Она меня вела дорогой туч,
Я стал крылатым ей благодаря,
Мне мир принадлежит. И я — могу.

1903
Одесса

Караван мой бренчит и плетется
Средь чужих и безлюдных песков.
Погоди, караван! Мне сдается,
Что из родины слышу я зов...

Нет, тиха и безмолвна пустыня,
Солнцем выжжена дикая степь.
Далеко моя родина ныне,
И в объятьях чужих моя джан.

Поцелуям и ласкам не верю,
Слез она не запомнит моих.
Кто зовет? Караван, шевелися,—
Нет в подлунной обетов святых!

Уводи, караван, за собою,
В неродную, безлюдную мглу.
Где устану — склонюсь головою
На шипы, на утес, на скалу...

1903
Газарапат

Мак

* * *

Как с громом тучи выплыли в простор,
 Так я пошел, с тяжелым сердцем, в бой;
 Как облака чрез те уступы гор,
 Ушел и я, сестра, простишь с тобой.

Ах, не ищи, где милый твой, сестра,
 Среди пришедших с битвы молодцов:
 Примчится конь с уздой из серебра,
 Но, одинок, заржет он средь лугов!

Ах, не ищи, где милый твой, сестра,
 Среди друзей веселых на пирах.
 Повеет ветром черная гора,
 Засыплют пылью мой безмолвный прах!

И матери чужие посетят
 Мою могилу, окропят слезой;
 Меня чужие сестры навестят
 И розы будут сыпать надо мной...

1903
Газарапат

Льет любящее сердце кровь,
 И нет душе целебных трав.
 Увидел мир мою любовь,—
 Лишь ты глядишь, любви не вняв.

Везде пою твои черты,
 И сердце мчится за тобой.
 Пусть я с другой — мне снишься ты.
 Меж рук иных — я вечно твой.

И, как звезда, ты высока,
 И далека ты, далека.

1903

КОЛОКОЛ СВОБОДЫ

Свободы колокол, звучи звончей
С кавказских горных, ледяных вершил,
Пусть, как гроза ночей и горячей
Всех молний, звон к Масису долетит.

Неутолимой местью, мятежом
И ярой силой слова прозвучи
И о союзе братском, боевом
Народов вольных прозвени в ночи.

С гор в хижины, из горной щели в щель,
Из сердца в сердце твой призыв летит,
Восстание — святая наша цель,
Твой голос вечно пусть о том гремит.

Все души непокорные — в полет!
Пусть колокол свободы в грозный час
Раскачивать рука не устает,
Чтоб вольный гул услышал весь Кавказ.

Ты, колокол, греми, от сна веков
Буди Казбек, буди Масис седой!
Орел, взмахни крылами широко,
Лев, гривою тряхни над крутизной.

Довольно нам нести позор цепей —
Мы жить хотим свободными людьми,
Расплавить цепи дай огонь скорей,
Дай силу нам, о мести нам греми!

Греми, зови и зовом мрак руби
В полях, где смерть, и слава, и борьба,
В трубу войной священной нам трубы,
На бой с насилием пусть зовет труба!

Свободы солнцу, золоту души
Ты, звон победный, песней поплыви,
С Кавказских гор, с бесчисленных вершин
На праздник братства всех нас созови!

1903

Газарапат

Жизнь мою вы в грезу превратили,
Девственные, чистые глаза,
И в иссохшем сердце разбудили
Песню, словно вешняя гроза,
Жизнь мою цветами задарили,
Девственные, чистые глаза.

1904

Тифлис

С дальних морей, из пустынь без границ,
Из светлых дворцов, из глухих темниц
Бесконечные стоны и ночью и днем
Отдаются эхом в сердце моем.
И солоны слезы, и горек смех,
И хлеб окровавлен, и горе у всех...

Иссякинет ли море слез, наконец?
Я слышу, как слезы из всех сердец,
Капля за каплей, горе свое
Изливают в сердце мое!

1904

Тифлис

* * *

Никто не понял скорбных слез моих,
Рукою нежной ран не исцелил.
Никто не холил грустных роз моих,
Благоуханья песням не дарил.

Я за участие жизнъ готов отдать,—
Ах, если б я был понят и любим!
На свете выше блага не сыскать,
Чем счастье служения другим.

Так много и любил и плакал я,—
Никто не понял скорбных слез моих.
Так жаждала любви душа моя,
Никто не холил грустных роз моих.

1904

H. Нахичевань

Сорванную розу ветке не вернуть,
Мигом миновавшим снова не вздохнуть.

Что пережила ты — все во сне, в тумане,
И любовь и горе — тень воспоминаний.

Сохраний же чистым сердце, доброй будь,
Чтоб на память жизни не осела муть.

Не спеши... Смерть глянет поздно или рано...
Все пройдет бесследно: сны и мгла тумана!

1904

Москва

* * *

Да, я знаю, всегда есть чужая страна,
Есть душа в той далекой стране.
И грустна, и, как я, одинока она,
И сгорает, и рвется ко мне.

Даже кажется мне, что к далекой руке
Я прильнул поцелуем святым,
Что рукой провожу в неисходной тоске
По ее волосам золотым...

1905

Александрополь

Душа — перелетная бедная птица
Со сломанным бурей крылом.
А дождь без конца, и в пути ни крупицы,
И тьма впереди и в былом.

Но где-то, усеивши неба покатость,
Не ведают звезды беды,
И ты — голубая хрустальная святость
Большой путеводной звезды.

Хоть раз меня взором мириящим порадуй
И верь мне: конец мятежу.
На дно твоего непорочного взгляда
Я сердце свое погружу.

Душа — перелетная бедная птица,
Без дома, без сил и без сна.
А дождь без конца, и в пути ни крупицы,
Дорога почная темна.

1905

Александрополь

* * *

Быстролетный и черный орел
С неба пал, мою грудь расклевал,
Сердце клювом схватил и возвел
На вершины торжественных скал.

Взмыл сурово над кручами гор,
Бросил сердце в лазоревый блеск,
И вокруг меня слышен с тех пор
Орлих крыл нескончаемый плеск.

1905

Карс

В разливе утренних лучей
Трепещет жаворонок страстный.—
Не знает мрака и скорбей,
Поет любовь и свет прекрасный.

Душа, окутанная тьмой,
Глядит с тоской на мир несчастный,
А над склоненной головой
Ликует жаворонок страстный!

1905

* * *

Враждует с человеком человек,
Друг против друга точит меч весь век.
Я опускаю меч звенящий мой,
Я не вступлю в несправедливый бой.

Я хлеб у бедняка не отниму,
Заботы не прибавлю никому.
Я опускаю меч звенящий мой,
Я за себя вступать не стану в бой.

1905

Возмездия и ненависти ад
В моей душе отравленной живет.
О нет, не мир мои слова сулят,—
Мой стих суровый к мщению зовет.
Возмездия и ненависти яд
Я вам в сердца вливаю без конца,
Я говорю: ты, кто разут, раздет,
Ты, у кого угла и пищи нет,
На ком оковы тяжкие звенят,
Кто жаркий пот в чужую ниву льет,—
Восстань, восстань! На гибель палачу
Я для тебя оружие точу.

В твой крепкий сокрушительный кулак
Я вкладываю грозной правды меч,
Чтоб трепетал перед тобою враг,
Чтоб мог ты притеснителей рассечь.
Вдуваю пламя яростное в грудь,
Чтобы к свободе отыскал ты путь,
И руку подымаю я твою,
Как мстительную гибкую змею...

1905

Газарапат

* * *

В далеких горах Гималайских сейчас,
Хребты затопив от вершин и до пят,
Дыханием моря смятенного мчась,
Клубясь, необъятные тучи кипят.

Гроза на грозу громоздится в горах,
Грохочут грома, повторяясь стократ,
И молнии бешено блещут сквозь мрак,
Но горы не дрогнут — бесстрашно стоят.

Лишь там, в их грохочущей дикой борьбе,
Мятежное сердце,— там место тебе...

1905

У кого так ноет ретивое,
Что в ответ щемит и у меня?
Это волк голодный за горою
Горько воет, кровь мне леденя.

Злая тень на снеговом сугробе,
Я, как ты, устал и одинок.
Волчье сердце, я твое подобье
В этом мире смерти и тревог.

Мы родные братья и подобье
В этом мире горя и обид.

Так проклятье ж всей земной утробе.
Вместе, братец, заскулим навзрыд.

1907

Eреван

* * *

Мне снился сон. Во сне плыла
Ночная улица рекою
И мать моя в толпе была,
Как тень с протянутой рукою.

Она брела, стара, слепа,
В оцепенении глубоком,
И равнодушная толпа
Ее толкала иенароком.

И плакал я во сне своем
И — наяву неутолимо.
А жизнь, спеша, своим путем
Бежала мимо, мимо, мимо...

1908

Тифлис

Что, слава, власть и взгляд желанной,
Вы для души моей больной!
Лишь звон протяжный, караванный,
Вдаль уплывая стороной,
Скитаний жаждой неустанный
Дух околдовывает мой.

1908

ТЫ НЕ ПОЙМЕШЬ

Что мне весна и звонкий бег ключа?
Померк от горя блеск моих очей.
Бреду один, всю скорбь земли влача.
Не спрашивай о горести моей.

Я угнетенного народа сын!
Идет путем кровавым мой народ
И век за веком, в тьме глухих годин,
Насилья цепи ржавые грызет.

И я в плену старинных этих пут,
Поверженный, припал к земле стена.
Прохожие, поправ меня, идут...
Нет, нет, не плачь, не утешай меня!

Святое слово матери грязнят,
Все: родину и сердце — жизнь мою,
Они терзают, повергая в ад.
Ты не поймешь, что в сердце я таю!

О горстка пепла — сирый мой народ,
Я кровью сердца о тебе пишу,
Мне боль твоя, как пламя, душу жжет,—
Я в сердце раны родины ношу.

Летать хотел бы с птицей наравне,
Любить, мечтать... но цепи нелегки.
Гнетет ярмо народа плечи мне.
Нет, не понять тебе моей тоски.

Великим гневом болен навсегда,
Я сам себя сгублю тем ядом... Что ж,
Пусть я умру, исчезну без следа,—
Моей смертельной скорби не поймешь.

1908
Тифлис

* * *

Безвестна, безымянна, позабыта,
Могила есть в безжизненной степи.
Чай пепел тлеет под плитой разбитой,
Кто, плача, здесь молился: «Мирно спи»?

Немой стопой столетия проходят;
Вновь жаворонка песнь беспечна днем,
Вновь ветер волны травяные водит...
Кем был любим он? Кто мечтал о нем?

1909
Газарапат

Далеко, далеко
Есть сердце одно,
Оно одиноко
И грусти полно.

Оно прилетает
В ночной тишине,
Стучит и рыдает,
Прижавшись ко мне...

1910
Тифлис

Ветер бьется о мой порог,
За дверьми уныло поет.
Но теперь я не одинок:
Голос милый меня зовет.
Это шум ваш, струи водяные,
Это, сын мой, твой лепет счастливый.
Изумрудные воды, родные!
Сын мой, ясный, бесценный, красивый!

1911
Константинополь

* * *

Мне грезится: вечер мирен и тих,
Над домом стелется тонкий дым,
Чутьзыблются ветви родимых ив,
Сверчок трещит в щели, невидим.

У огня сидит моя старая мать,
Тихонько с ребенком моим грустит.
Сладко-сладко, спокойно дремлет дитя,
И мать моя молча молитву творит:

«Пусть прежде всех поможет господь
Всем дальним странникам, всем больным,
Пусть после всех поможет господь
Тебе, мой бедный изгнаник, мой сын».

Над мирным домом струится дым,
Мать над сыном моим молитву творит,
Сверчок трещит в щели, невидим,
Родимая ива едва шелестит.

1911
Константинополь

Д

Вновь вишня старая цветет,
Благоухают ветерки,
И розу соловей поет,
И буйно плещут родники.

Поет и дрозд, поет и куст,
Поет листок, поет цветок;
Многоголос, тысячеуст,
Весенний пенится поток.

Внимая, удивляюсь я
И говорю, помолодев:
— Кто в старом сердце у меня
Вдруг воскресил любви напев?

1911
Базель

* * *

На берегу реки родной
Стоит, согнувшись, отчий дом.
А я брожу, для всех чужой,
Один брожу в краю чужом.

И холoden осенний мрак,
И ветер воет надо мной.
Горит ли там у нас очаг,
На берегах реки родной?

1911
Константинополь

Твоих бровей два сумрачных луча
Изогнуты, как меч у палача.

Все в мире — призрак, ложь и суета.
Но будь дано испить твои уста,
Их алое вино,—
Я с радостью приму удар меча.

Твоих бровей два сумрачных луча
Изогнуты, как меч у палача.

1912
Измит

* * *

Где я, покинув дом родной,
Найду последний покой,—
В пустыне ль мертввой и сухой,
В пучине ли морской?

Покроет ли ветер полей родных
Мой прах родимой землей
Ибросит ли горсточку слез твоих
На холм могильный мой?

1912

Вена

Старый друг, родник,
Прежде каждый миг
В твой живой кристалл
Песни я вплетал.

А теперь устал,
Молчаливым стал.
Твой же легкий звон
Мчится в даль времен.

1913

Коллонж

* * *

Рано поутру
По лугам вдвоем
С мальчиком моим
Мы гулять идем.

Рвет цветы дитя,
Напевает им,—
Как, бывало, я
Пел цветам другим.

Тяжек миг один,
А года легки;
Пронеслись они —
Ныне далеки.

Мнится мне, что мир —
Только смутный сон:
Я — минувший день,
Настоящий — он.

А грядущий день,
Словно взор немой,
На меня глядит
Безысходной тьмой.

*1914
Берлин*

Памяти племянника моего Исаака Исаакяна

1

На ниве под моим окном
Угрюмо ворон застонал,
Клюв черным осенив крылом.
Он в этом стоне, полном мук,
Твои последние слова
Мне не принес ли, бедный друг?

С тоскою вслушиваюсь я,
И мается душа моя.

2

Покуда ты жил,
Всегда ты вдали
От меня бродил
По ширям земли.

Но вот порвалась
Твоей жизни нить,
И со мной ты,— нас
Нельзя разлучить.

3

Бесконечный дождь
Мне душу гнетет;
Льет унылый дождь
Весь день напролет.

Осенней порой
В могиле твоей
Так сырьо, родной,
Так холодно в ней!

Сердце раной ты
Жжешь мне день и ночь:

Мне твои черты
Позабыть невмочь.

Свою жизнь влачу
Во мгле без тебя...
Рыдая, шепчу
Твое имя я.

4

Мне от тоски был свет не мил,
Тебя я дольше ждать не мог,—
И вот ты вдруг переступил
Тут, на чужбине, мой порог.

Улыбкой светлой, как заря,
Твой юношеский взор сверкал,
И, бурной радостью горя,
В мои объятья ты упал.

Как вырос ты, как стал твой стан
Красив, и строен, и могуч!
Унынья моего туман
Пробил весенний солнца луч.

Ты на лихом предстал коне,
Оружьем золотым звения...
Здесь так тоскливо было мне,—
Мой друг, останься у меня.

Неправда, что покрыт твой прах
Пушистой снежной пеленой,—
Твоя рука в моих руках,
Отважный юный мой герой.

Кружочек раны, как звезда,
На лбу твоем... Дай мне ее
Поцеловать,— она тогда
Вмиг заживет, дитя мое.

ДВЕ ПТИЧКИ

На ветках густой черешни две малые птички весной
Беседу вели так нежно, и одна сказала другой:

— Цив-цив, пичужка-красотка, тебя я видел вон там,
Как с матерью ты летала по долам и по горам.

В тот миг мое птичье сердце на крыльях ты унесла.

— Цив-цив, но тебя я не знаю,— другая речь повела.—
Лишь голос твой вспоминаю, знаком он и близок мне,
Словно его я слыхала в младенчестве иль во сне.

— Цив-цив,— сказал,— дорогая, то бедное сердце мое
Поет на заре весенней, стучится в твоё жилье.

— Цив-цив...— запела другая и слов не нашла в ответ,
Игриво склонув черешни душистый и нежный цвет.

— Цив-цив,— воскликнул,— позволь мне любимой тебя
назвать,

К тебе прилететь и перышки нежно поцеловать!

Крыло с крылом, дорогая, вдвоем исчезнем вдали.

Я знаю,— там за горами, золотые страны легли.

Ни людей, ни коршунов нету, круглый год — цветенье весны,
Ключи серебром сверкают, сады, луга зелены.

Там гнездышко вить мы будем, споем о любви своей!..—
И, с места вспорхнув, полетел он, уселся рядышком с ней.

Подружка защебетала, игрива, жива, легка.

Цветочек клюнула нежно, взглянула краем глазка.

И вдруг со щебетом тонким, коснувшись плеча плечом,
Вспорхнули и улетели в прозрачную даль вдвоем.

1917

Женева

* * *

Мне сказали: «Давно умерла твоя мать,
Умерла твоя мать, сердце жизни твоей».
Мне сказали, что больше не встречусь с тобой,
Что покрыла тебя беспредельная мгла,
Что лицо твое кроткое — прах гробовой...
Нет тебя, той, что самою доброй была.

Но я знаю: меня не покинула ты,
Где-то рядом со мною всегда ты стоишь,
От зари до зари, до ночной темноты.
Каждый миг сострадая, печалясь, любя,
В вечном страхе, в тоске, не жалея себя,
Смотришь, сына всем сердцем храня,
На меня устремляешь свой взор не дыша,
Все глядишь на меня, все глядишь на меня,
Мать родимая, свет мой, душа...

1918

Люцерн

Был бы я ветерком,
Ты же — кустиком роз,
Я ласкал бы тайком
Шелк душистых волос.

Был бы ланью лесной,
Ты — ключом ледяным,
Утолил бы я жар
Поделуем твоим.

Был бы я мотыльком,
Ты была бы огнем,—
Ах, спалила б меня
Ты в объятье своем!

1919

Женева

* * *

Когда ты тесней
Приникнешь ко мне,—
Я снова в моей
Родной стороне.

Твой смех молодой
Так чист и летуч,
Как там, под скалой,
Чуть плещущий ключ.

Твой шепот нежней,
Чем легкий листок,
Чем наших полей
Ночной ветерок.

Волос ты моих
Коснешься шутя,—
И в грезах живых
Я снова дитя.

1919
Женева

ПЕРВЫЕ СЛЕЗЫ

Целует солнце землю весной,
Весь мир в изумрудный наряд одет,
Синие очи фиалки лесной
С улыбкою детской глядят на свет.

Подул ветерок и ей на ушко
Прошептал о чем-то — и улетел.
Цветной мотылек упорхнул легко,—
Остаться с нею не захотел.

Фиалка по ним вздохнула, склоняясь,
Но след их пропал — зови не зови...
Скатились с доверчивых синих глаз
Первые слезы первой любви.

1919

* * *

С утратой того, что любимо,
Я в жизни не мог примириться;
Что властвует необходимость,
Я в жизни не мог примириться.
И мысль моя тщетно пыталась
Смирить непослушное сердце,
С действительностью преходящей
Я в жизни не мог примириться.

1921

В РАВЕННИЕ

На вершине Аарата в снег
На мгновенье опустился век
И ушел.

Осветила молнии струя
Чистого алмаза острия
И ушла.

Поколений бесконечный ряд
Обращал к вершине смертный взгляд
И прошел.

Твой черед на твой ложится путь
На вершину гордую взглянуть
И пройти.

1926
Равенна

* * *

За что, за что ко мне ты зла,
И, словно утоляя месть,
Ты возвратила мой портрет,
Записки, письма — все как есть.

И резко требуешь вернуть
Записки, письма и портрет.
Покорный прихотям твоим,
Не возражу тебе в ответ.

Но поцелуй, — тайный жар
Тебе и мне сжигавший грудь?
Ты их не можешь, не вольна
Ни взять обратно, ни вернуть.

Как я, ты будешь изнывать,
Испепеленная огнем,
Что не дает мне позабыть
О счастье горестном моем.

1926
Veneция

К РОДИНЕ

Из наших древних дымоходов
Клубится добрый дым,
Перед тобою — путь свободы,
Твой дух непобедим.

Летиши, как быстрый конь крылатый,
К созвездьям новых дней,
Храня и мужество и веру
Былых суровых дней.

Преградам и угрозам вражьим
Не удержать тебя.
И песню новую о мире
Поешь ты, жизнь любя.

Земля отцов, ты стала новой.
О мой народ, мой хлеб...
Отчизна — солнечная птица,
Твой дух в борьбе окрен.

1926
Венеция

МОЕЙ РОДИНЕ

К чудесному, нагорному, зеленому,
В весенних розах склону я прильну,
К дыханью материнскому, бездонному,
Что шевелит пшеничных нив волну.

Меня чаруешь речью ты прекрасною,
Меня влюбленным зовом кличешь ты.
Тебя я вижу новую и ясную,
С чертами древней, вечной красоты.

О мать! Твое грядущее, как молния,
Могуче, ярко блещет предо мной.
Армения, силечно юных полная,
Звук гордый речи сладостной, родной!

1926
Венеция

РОДИНЕ

На берегу волнующихся нив
Один стою, в раздумии застыв.

Ты ль это, гордая моя страна,
Была затоплена потоком орд,
И ливням стрел несметных предана,
И тысячами копий пронзена?
На каменном пути народных рек
Лежала ты, томясь за веком век,
Растоптана коньтами коней.
И налетали коршуны, как шквал,
Точили клювы об уступы скал,
Чтобы терзать тебя!

И много дней
И лет без счета протекло,— и вот
Теперь мой край ликует и цветет.
И мирно вновь над домом вьется дым,
Где сладко мать баюкала меня,
Сознанье пробуждая, полоня
Мой дух могучим языком родным.
Пусть молодая рать твоих сынов
Твой будет древний чернозем пахать,
И пусть гусаны будут воспевать
Расцвет твоих полей, страна отцов!
Победно будешь ты звучать, звучать
В чудесных песнях, древен и велик,
Сердечный, вечно юный мой язык!

1929

Ленинакан

ДЕТСТВО

Веселый солнца шар пыпал,
Поток, струясь, гремел и пел,
Весенний свет был нежно-ал,
И ворох роз и маков рдел.

Трель жаворонка с вышины,
Коней в лугах далекий зов,
Зеленое крыло весны
И зелень моря и ветров.

Наш детский смех звучал в полях,
Мы в реку прыгали со скал,
Резвились в пенистых струях...
Веселый солнца шар пыпал.

1930
Париж

НАШИ ИСТОРИКИ И НАШИ ГУСАНЫ

*К тысячелетию народного эпоса
«Давид Сасунский»*

I

В уединенье темных келий, в глухих стенах монастырей,
Историки от скорби сгорбясь, перед лампадою своей
Без сна, ночами, запивая заплесневелый хлеб водой,
Записывали ход событий на свиток желтый и сухой:
Нашествие орды кровавой, несчастья гибельной войны,
Врагов жестокую расправу, крушение родной страны.
Оплакивали Айастана жестокосердную судьбу
И уповали неустанно, что бог услышит их мольбу.

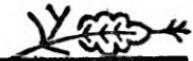
II

А в сельских хижинах убогих, у очага, перед огнем,
Гусаны наши пели песни и запивали их вином;
И в песнях славили победы, и пели гимн богатырям,
Врагам предсказывая беды, и поражение, и срам.
В сказаньях этих величавых обрел бессмертие народ.
Они нам завещали славу передавать из рода в род.
Они для счастья нашей жизни сумели вольный дух сберечь
И наготове за отчизну держали молниеносный меч.

1939

Цахкадзор

НОВОГОДНЕЕ УТРО

Едва в новогодний день
Проснулся я в ранний час —
Заветные вспомнил дни,
Припомнил, родные, вас.

Услышал мельничный шум,
Увидел наш сельский дом...
О запах хлеба в печи,
Как сладок он, как знаком!

Отец вернулся домой,
Подарки семье привез,
Сестренке моей и мне
Обновок цветных привез.

И, за руки взяв отца
И радостно лепеча,
Вприпрыжку мы шли гулять
Туда, где пел Аричай.

Ах, вспомнил я грустный день,
Печальней мне не знавать,—
Я в край чужой уезжал,
Навек покидая мать.

Прижал к груди,
Рыдала она в тоске.
О, сердца щемящий плач,
Слеза на моей щеке!..

Понуро шагал мой конь,
Раздумью всадника в лад.
Далеко меня он вез
От милых душе улад.

Вот мельницы сладкий шум
Все тише... за шагом шаг...

А матери скорбный плач
Звенит и звенит в ушах.

Увы, в новогодний день,
Очнувшись от забытья,
Я вспомнил, родные, вас,
И тихо заплакал я.

1940
Ереван

Безмятежная ночь! Один я сижу
На вершине скалы. Кругом — тишина.
Я на спящее море молча гляжу.

Даже время прервало вечный полет,
Тишина без границ, молчанье растет.
Вся вселенная тишиною сонной полна.

О мгновенье! Как ты блаженно молчишь!
Беспределная и безмерная тиши...

И невольно я слушаю душу свою,
И себя понимаю, себя познаю!

1940
Ереван

ПРИВЕТ ВСЕМ

Был апрель. Весна цвела.
Шел я в поле грусть прогнать,
И природа обняла
Средь полей меня, как мать.

Многоцветно, как огонь,
Утро зрело в тишине,
Как золотогривый конь,
Солнце ржало в вышине.

Птичий хор звенел, свистал,
Пели травы, лепестки,
Чтобы я веселым стал,
Чтобы я не знал тоски.

Как потешны и легки
Быстрые прыжки козлят!
Как пушисты и мягки
Шубки светлые ягнят!

А цветы! А мотыльки!
Запахи и ветерки!
Ласточки и шум реки!
Пенистые родники!

И, откуда ни возьмись,
Кто-то начал мне шептать,
Говорит: «Остановись,
Чтобы этот мир обнять.

Низко поклонись ручьям,
Ланям, птицам, и кустам,
И деревьям, и стадам,
И высоким облакам.

Это все родня твоя —
Братья верные твои,

Это кровная родня —
Сестры нежные твои.

Вон утес над пеной струй,
Мхом покрыт, суров, горбат.
Но его ты поцелуй,
Он твой добрый, старший брат».

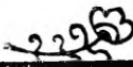
1940

БОЕВОЙ КЛИЧ

Ночь. Тучами окутанная ночь.
Как бешеную бурю превозмочь?
Гремучий шквал из вражеской страны
Рокочет на просторах наших нив.
Встают в ответ моря, возмущены.
Исполнен гнева бурных рек разлив.

Э-эй, Масис, заоблачная высь!
Э-эй, земля родимая, держись!
Готовы ль молнии? Готов ли меч,
Чтоб ненавистных гибели обречь?

Все ль вы на страже, родины сыны?
Мы взяться за оружие должны,—
Затихнет ветер, и заснет вода,
Но злобный враг не дремлет никогда.
Вы слышите тяжелый лязг цепей?
Тиран оковы тяжкие несет
В наш край лесов, нагорий и степей,
Он хочет обесчестить наш народ.
Вступайте в перекличку меж собой!
Все ль на ногах и все ль готовы в бой?
Да опояшет каждый стан броня,
Да опояшет воля гордый дух,
Да опояшет поясом огия
Великий гнев наш дружественный круг!
Шуми, шуми зеленою кроной, дуб!

Гремите бурей, зовы веющих труб!
Срываися ржанье с жарких конских губ!
На бранный подвиг, братья, на борьбу!
Решаем сами мы свою судьбу.
За облака взлетай, победный стяг,
К бессмертью, побеждающему смерть!
Да будет уничтожен дерзкий враг,
Да будет усмирен свирепый смерч!
От наших виноградников и рощ
Гоните злоумышленников прочь!
Да будет вечной в солнечном краю
Давилен, житниц мирных тишина.
Свою отчизну отстоим в бою.
Э-эй, к победе, вольная страна!

26 июня 1941 г.

Ессентуки

ПЕСНЯ ПТИЦ

1

Золотятся зарей облака,
Снова солнце ликую встает.
В небе чистые трели звенят,—
Это птицы встречают восход.

И, внимая их песне простой,
Снова полон я счастья и сил,
Словно голос отчизны моей
Рану в сердце моем исцелил.

Нынче враг в исступленье слепом
Хочет мирный напев задушить,
Но бессмертна свободная песнь,
Не убить ее и не покорить!

2

Однажды девочка, резвясь,
Играла средь полей,
А мотылек, зарей светясь,
Кружился перед ней.

Она хотела мотылька
Красивого поймать,
Но тщетно тянется рука,
Никак его не взять.

Тот мотылек неуловим,
Веселый, золотой...
И вот она, гонясь за ним,
Вбежала в лес густой.

Он закружился меж ветвей
И улетает прочь...
Она устала, а над ней
Уже темнеет ночь.

Забралась девочка в дупло,
Ей захотелось спать.
В лесу и утром не светло,—
Дороги не видать.

Три дня она в лесу жила.
Ей ягоды — обед,
И так тепло на дне дупла,
Лишь тропки к дому нет!

Но девочку пошли искать
Соседи и отец...
Счастливый день! Она опять
Среди родных сердец.

Мать, плача, целовала дочь,
Лелеяла ее:
— Скажи, тебя пугала ль ночь,
Сокровище мое?

И дочка отвечает ей:
— Нет, ночь там не страшна.
Мне пели птицы меж ветвей,
Была я не одна.

1941
Ессентуки

* * *

Сердце мое на вершинах гор,
Вместе с орлами, в приволье родном,
С тучами гневно в грозный простор
Молнии мечет, бросает гром.

С вами сердце мое, о бойцы,
Смерть не посмеет прощить вам грудь.
Вас прославляю я, храбрецы,
Благословляю ваш светлый путь.

Народу вы дали великий обет,
И вы несете с оружьем в руках
Свободы неугасимый свет!
Поверните вы врагов во прах!

Буря, промчись, гроза, разразись,
Смой с человечества гниль и грязь!
Крылья расправив, взвейся ввысь,
К солнцу, наша бессмертная мысль!
Буря, сверкай, гроза, разразись!

1942

ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ С. Г. ЗАГИЯНА

С героями-друзьями ты, как пламя,
Как молния, врагов испепелял.
Великой правды нес высоко знамя
И смертью храбрых в жаркой битве пал.

В твоем краю свободном, беспечальном,
Что наделил отвагою бойца,
Склонились все в молчании прощальном,
И горе переполнило сердца.

Твое чело победа увенчала,
И в летописях славы ты живешь,
И тем, кого унынье посещало,
И гордость ты и мужество даешь.

Наш гнев священный вдохновил героя,
И мы гордимся подвигом твоим.
Ты варвара поверг стальной рукою
И, словно щит, стоял неколебим.

Покойся безмятежно в вечной славе,
Твои герои-братья мчатся в бой.
Армения цветет все величавей,
И пламенеют розы над тобой.

1942

АРМЯНСКОЕ ЗОДЧЕСТВО

Памяти архитектора Т. Тораманяна

Осень, осень... Брожу по родимым полям.
Свежий снег, синевой отливая, блестит
На плечах Араата. Как солнечно там!
А внизу бьется ветер, упрям и сердит,
Неподатливый тополь сгибаю, как лук
Гайка-праотца. Холод, безлюдье вокруг,
Но в моем одиночестве я не один,
Предо мною былое в обличье руин.
Здесь, бушуя, неслись ураганы времен
И оставили нам лишь обломки колонн.
Храмы нашей страны! Вы в жестоких веках
Возвышались над жизнью, сожженной дотла.
Этим стенам неведом был трепетный страх,
Солнце ярче сияло, глядясь в купола.
О, как верил народ мой страдающий вам!
В скорби светел душою и сердцем высок,
Видел он, припадая к замшелым камням,
В славе прошлого — будущей славы залог.
Величавые стены и своды! Вы с ним
Говорили на тайном наречье своем
Словом правды и доблести вечно живым
И гармонии чистой простым языком.
Очевидцы великие славы былой,
Созидающей силы, высокой мечты!..
Как сердца охраняла от участи злой
Неприступною крепостью власть красоты!
В этих сводах узорчатых видел народ
Воплощенье высоких стремлений своих.
В этих стенах бессмертная сила живет
Сокровенных мечтаний и дум дорогих.
В смертной битве не дрогнул мой добрый народ.
Вырос он и окреп в этой гордой тиши
И свободной отчизне любя отдает
Все богатства своей вдохновенной души.

1942

ДЕНЬ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

(9 мая 1945 года)

Меч в ножны вложили достойно мы,
Великой Победы день — наконец!
Разбили всю вражью мы силу тьмы,
Песни звучат, как веселье сердец.

Радость, как трепет парящих крыл,
Шумит, сливаясь в потоке одном.
Хозяин на улице стол накрыл,
Стаканы налил золотым вином.

Прохожих зовет и просит к столу:
— Братья, прошу я победным вином
Сыну-герою воздайте хвалу,
Пейте за здравие ваших сынов!

Пьют, и на лицах веселье горит,
Звонко стакан лишь стучит о другой,
Тихо один тут отец говорит:
— Пью за сыновьей души упокой!

Строго смолкают на слово отца,
Шапки снимают пред тостом таким,
Молча за мертвого пьют храбреца,
Хлеб омывая вином золотым.

1945

АВИКУ

Пусть будет прям всегда твой путь.
Будь справедлив и честен будь.
Горячей доброю душой
Люби весь этот мир большой.
Люби товарищей своих,
Всегда будь радостью для них.
В беде от друга не беги,
Ему, чем можешь, помоги.
И до конца счастливых дней
Будь предан родине своей,
Ее защитой верной будь.
И если ты когда-нибудь
Пойдешь на подвиг для нее,—
Не возгордись, дитя мое:
Ты только долг исполнишь свой.
Иди ж дорогой трудовой
И с чистой совестью живи
Для мира, счастья и любви.
Когда ж умру я, ты, один,
К моей могиле подойди
И помолчи над ней, грустя,
Любимое мое дитя.

1954

ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНИ АЛАГЯЗА»

АРАГАЦУ

Ты, Арагац, алмазный щит
Для молнийных клинов.
Хрустальный твой шатер стоит
Приютом облаков.

Гнездо орлов — утесов крутъ,
Озера — бирюза.
Ручьи твои объемлют грудь —
Златые пояса.

И днем и ночью родники
Друг с другом говорят.
Бегут в долину ручейки
С твоих шелковых пят.

Как сонм летающих цветов,
Пылают мотыльки,
То от шелков волшебных снов
Взлетают лоскутки.

Ты — царь, одетый в пурпур, ты —
Благоуханный мир.
Тысячецветные цветы
Сошлись к тебе на пир.

Шар солнечный с востока плыл,
Прохладный ветер веял с гор,
И с песней жаворонок взмыл,
В цветах благоухал простор.

Ручей в уборе пенных риз
Пещеры звонко окликал,
Заро, как лань, спускалась вниз,
Под шагом милым луг сиял.

Раздвиньтесь, скалы, перед ней,
Дорогу, роза, укажи,
Ее, терновник, не держи.
Иди ко мне, Заро, иди.

Сверни свой пенный плащ, ручей,
Пусть я прижму Заро к груди.

ПЕРИ ОЗЕРА

Молодой пастух у воды сидел,
В зыбь озерную, наклоняясь, глядел.
Дул в свирель свою, и к нему со дна
Чудо-девушку принесла волна.
Ярче золота у нее коса,
Глубже озера у нее глаза.
Говорит она: «О красавец мой,
Любовалась я сквозь волну тобой,
Пенье слушала, и отныне я
Отдана тебе, я раба твоя...
Дай же руку мне, и пойдем вдвоем
В глубину, на дно, в мой хрустальный дом.
Подарю тебе, благородный друг,
Огневых коней и покорных слуг,
Обнимаясь, мы будем пить вино,
Счастье вечное будет нам дано.
Обними меня, я тебя люблю,
Поцелуй меня, я тебя молю...»

Скрылась девушка в глубине, на дне.
И вслед за ней он пропал в волне...

В вечерний час в простор полей
Пастух стада сгоняет с гор,
Вослед за ними к подруге моей
Спокойный сон слетает с гор.

Сегодня с лучами играла джан,
Светилом тешась золотым,
Подобно солнцу, играла джан
Перстами-лучами с сердцем моим.

Перстами-лучами, рукою-цветком
Долго с сердцем играла моим,
Теперь устала, настигнута сном,
Как лань, под крылом задремала моим.

Усталое стадо бредет в поля,
Подруге моей навевает сон,
Шепот цветов, шорох ручья,
Шелест полей навевает сон.

Небо чистое, звезды горят,
Над долиной луна сияет,
Слышишь, нивы шуршат, шуршат,
Свежий ветер вздыхает?

Стайка птиц в простор высоты
Пролетает над нашим садом.
О, как тихо! Давай — я и ты,
Сядем, джан моя, рядом.

Сходит звездная ночь на поля,
Сердце пахаря отдыху радо,
Задремала во тьме земля,
И в ущелье спустилось стадо.

Слышишь песню птицы ночной?
Это песни твоей продолженье...
Пой, Заро, красавица, пой,
Пусть звучит твое сладкое пенье...

ПЕСНЯ ЗАРО

Закрылись веки темноты,
И дол и горы сном объяты.
Над головою только ты
Сверкаешь солнцем без заката.

Я черных глаз читаю цель.
Твой взгляд, играющий агатом,
Меня за тридевять земель
Уносит царством тридесетым.

Мой друг, блаженство выше сил.
Я под собой земли не слышу. .
Вели — огнем ночных светил
Тебе кушак алмазный вышью.

Ударил ветер в темноту,
И все очнулось. Мой хороший,
Давай я косы расплету
И ветру их навстречу брошу.

СКАЗКА

Ты дремли, к плечу прислоняясь,
Слушай сказку... В стране одной
Жил когда-то богатый князь,
А у князя сын молодой.

И однажды княжеский сын
На охоту друзей созвал
И, отстав, средь поля один
Каждый куст обшаривать стал.

Вдруг он видит — лань из кустов,
Как стрела с тетивы, сорвалась,
И, прикрикнув на свору псов,
Вороного пришпорил князь.

Лань к избушке лесной спешит,
Вот в дверях исчезла она...
На пороге дева стоит,
Как цветок пурпурный, нежна.

— Эй, охотник, коня придержи!
Лань моя проворней ловца...
— Ты колдунья иль пери, скажи,
Если лань твоя ловит серда?

Знай, что княжеский сын пред тобой,
Дай мне руку, сойди с крыльца,
Как невеста войдешь со мной
Во дворец моего отца!

Будешь жить ты в сердце моем,
И носить одежды из звезд,
И выхать в саду золотом
Ароматы пурпурных роз...

Дева молвит: — На что мне трон?
Мой жених — пастух этих гор.
Мне дороже алмазных корон
Жениха влюбленного взор!

— Не пойдешь, тогда не пеняй!
Будешь силой приведена...
— Ты могуч и силен, но знай —
Лишь любовью любовь сильна!

Молит, просит князь молодой:
— Я единственный сын у отца,
Сжалася, гордая, надо мной,
Или горю не будет конца...

Дева молча глядит на восток,
На зеленые склоны гор...
Князь трубит в охотничий рог —
Слуги мчатся во весь опор.

И сказал им князь молодой:
— Эта хата — дворец мой и трон,

Так возьмите коня с собой,
Мне не нужен отныне он.

Здесь разбейте шатер у окна
И скажите отцу о том,
Что, пока не полюбит она,
Не вернусь я в родимый дом...

ПЕСНИ ДЕВУШЕК

1

На вершине горы снег блестит первозданный,—
Опалил мое сердце ты страстью своей,
Я на снежные кручи взойду, мой желанный,
Станет жаркое сердце мое холодней.

Передай ему, ветер, мои пожеланья,
Он теперь вдалеке от жилья моего,
Целый год уже длится мое ожиданье,
Я умру за того, кто увидел его.

Я завидую вам, изумрудные птицы,
Изумрудным бы мне сновидением стать,
Чтобы тихо на ложе его опуститься
И бессонные очи его целовать.

2

Соловью, что в саду моем ночью поет,
Я поведал сердца печаль,
Чтоб умчался он с ней, чтоб унес ее вдаль,
В край, где милый живет.

Ручейку, что в соседней долине течет,—
Мои слезы, слезы мои,
Чтоб с волнами струились, струились они
В край, где милый живет.

Ветерку, прилетевшему с горных высот,—
Моя вера, надежда моя,
Чтоб умчал их, умчал за леса, за моря,
В край, где милый живет.

¶

Я к Заро на рассвете пришел,
У порога любимой стою.
Двери заперты крепко, Заро
На мольбу безответна мою.

Но за дверью ягната ее
Откликаются, плачем звеня.
Иль понятно им горе мое
И, быть может, им жалко меня?

Ей скажите, чтоб дверь отперла,
Сжал мне сердце мучительный страх.
Этой ночью мне снилась Заро
В безутешной печали, в слезах.

¤

Мне озеро привиделось во сне,
Сверкающее золотой волной,
И милая моя, и рядом с ней
Красавец юный в лодке золотой.

У милой на груди цветы полей,
Лишь розы нет — счастливцу отдана.
Мои сомненья, ветерок, развей,
Скажи, что мне любимая верна.

Но юноша жемчужин светлых нить
На шею милой весело надел...

О нежный ветерок, не может быть,
Чтоб он ее душою овладел!

В его объятиях любовь моя,
И поцелуев лепет над водой...
На берегу мертвца, и это — я,
И только ива плачет надо мной.

Буду жертвой твоей, только дверь мне открай,
Перед домом твоим я задумчив стою,
Пусть сиянье твое заблестит предо мной,
Черен мир над поникшей моей головой.

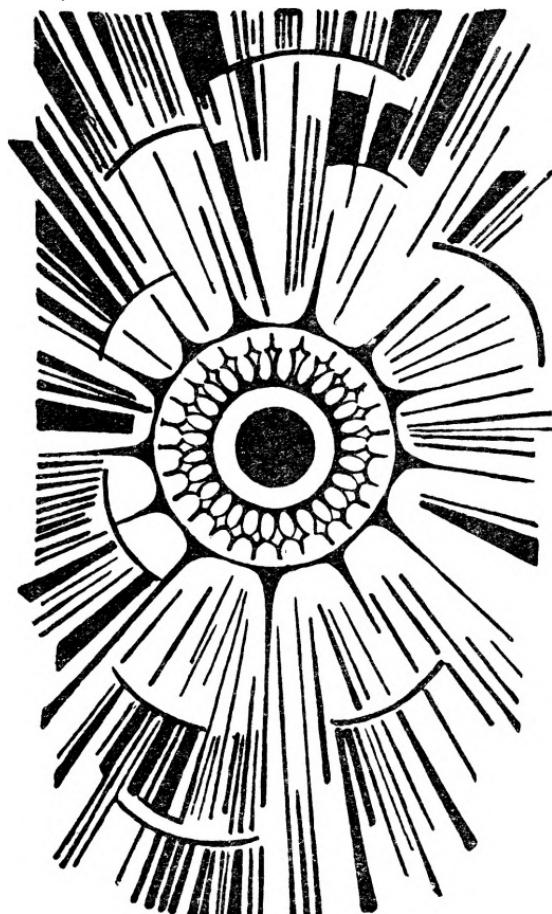
Ты сожгла мое сердце огнями очей,
Дай хоть каплю воды истомленным устам,
Ты изранила сердце мечами бровей,
Дай лекарство для раны жестокой моей.

На вершинах для тучи приветливый дом
И пещера скалистая ветра приют,
Но куда же деваться мне в горе таком,
Дверь открай, я умру на пороге твоем.

1895—1917

ПОЭМЫ, БАЛЛАДЫ,
ЛЕГЕНДЫ, БАСНИ

АБУЛ АЛА МААРИ

Касыда в 7 сурах

ВСТУПЛЕНИЕ

Абул Ала Маари,
Поэт знаменитый Багдада,
Прожил три раза десять лет в великолепном граде халифов,
Прожил в усладах и в славе;
У вельмож и богатых садился за стол,
С учеными и с мудрецами вступал в разговор,
Друзей любил и изведал,
В землях разных народов бывал; смотря наблюдал и людей
и законы,—
И его проницательный дух постиг человека, постиг и
глубоко возненавидел.
И так как он не имел ни жены, ни детей,
Нищим он роздал богатство,
Собрал караван из верблюдов, взял несколько старых
испытанных слуг,
Взял припасы в дорогу и ночью, когда
Под сладострастные шелесты пальм в сон погрузился
Багдад на берегах, кипарисами убранных, Тигра,
Тайно из города вышел.

Сура I

И караван Абул Алы, как ручей, что, журча, бежит средь
песков,
В дремотной ночи неспешно шагал, со звяканьем нежным
больших бубенцов.
Размеренным шагом путь совершал ночной караван, виясь,
как змея,
И звон сладкозвучный лился, затоплял погруженные в сон
немые поля.
Облелянный негой, в дремоте Багдад был истомой объят
райски-пламенных грез,
В гюлистанах газели пел соловей: песни сладкие страсти
пел сладко до слез.

Водоемы смеялись, роняя вокруг адамантовый смех, ясный
смех без конца;
Благовонных лобзаний лился фимиам от кристальных
киосков в преддверьях дворца.
Ароматом гвоздики рассказывал ветр сказки древних
времен, сказки Шехерезад;
Кипарисы и пальмы, в изнеженном сне, у старой дороги
качались в ряд.
И караван, виясь, как змея, назад не глядел, звенел
далше во мглу,
Неизведанный путь неисчетностью чар манил и ласкал
Абул Алу.
И другой караван — бриллиантовых звезд — свой путь
совершал по небесным путям,
И торжественно-ясный, божественный звон звенел в
беспредельных просторах и там.
Был полон весь мир, очарован во сне беспредельным
напевом, перезвоном с небес,
И душой ненасытной Абул Маари неумолчным внимал
перезвонам с небес.
«Иди, все иди ты, мой караван! шагай все вперед,
остановок нам нет!»
Так, в душе сам с собой, говорил с тоской Абул Маари,
великий поэт.
«В пустыню веди, к безлюдным краям, свободным, святым,
в изумрудную даль,
К солнцу стремись, торопись! будет мне в сердце солнца
спалить свое сердце не жаль!
Вам прости не скажу я, могила отца, материнская люлька
под кровлей родной,
С былым мое сердце в ссоре навек: с тобой, отчий дом!
память детства, с тобой!
Когда-то любил я сердечно друзей, и далеких, и близких,
не всех ли людей,
Но стала любовь ядовитой змеей и огненной мучит отравой
своей!
Я все ненавижу, что прежде любил, что в душах людских
мой взор подсмотрел:

Тысячу зол я в людях обрел,— отвратных и черных,
позорных дел!
Но тысячу первым гнушаюсь я злом,— лицемерием
гнусным, что хуже всех зол,
Я бегу от него, ибо красит оно человеческий лик в святой
ореол.
Язык человека! души его ад в покров убираешь ты, в
сотню прикрас,
В лазурный намет, в поцелуй, в аромат,— но правдивое
слово сказал ли хоть раз?
Язык человека! Отравленный дрот! Мед струя, ты мне
сердце пробил, как стрела.
В сердце умерло небо любви и надежд, и, как солнце
заходит, в нем вера зашла.
В пустыню иди, ты, мой караван! в безлюдный, и в дикий,
и в знайный край!
Под грозной стеной медно-рыжих скал там сделай привал,
меж зверей отдыхай!
Где гнезда ехидн, разобью свой шатер! разобью свой
шатер, где спит скорпион!
Вдали от людей будет в тысячу раз безопасней, покойней,
прекрасней мой сон!
Безопасней, чем в дни, когда я преклонял главу утомленно
другу на грудь,
Ах, другу на грудь, под которой всегда разверстая бездна
готова слотнуть.
Доколе Синая седую главу суровое солнце будет палить
И желтые груды в пустыне нагой, как волны морей,
волноваться и бить,—
Я не захочу увидеть людей, друзей былых и кровных родных.
Я не захочу услышать о них, об их делах, ничтожных и
злых!»
В последний раз Абул Маари, обратясь, на Багдад
уснувший взглянул,
Свой морщинистый лоб с отвращением отвел и к шее
верблюда любовно прильнул,
Со сладостной лаской поэт целовал горячим лобзаньем
верблюда в глаза,

И одна за другой палящей росой по ресницам поэта
стекала слеза.
Со звяканьем нежным, качаясь в песках, спокойно,
размерно шагал караван,
По пустыне вперед совершал свой поход к голубым берегам
неизвестных стран.

Сура II

И тот караван, виясь, как змея, меж пальм горделивых
свой путь совершал.
И песок поднимал, песка караван, и ветер игравый ту
пыль раззвевал.
«Вперед, караван! что кинули мы, чтоб глядеть, сожалея,
на жизнь прошлых лет?»
Так, в душе сам с собой, говорил с тоской Абул Маари,
великий поэт.
«Что за нами осталось, о мой караван! чтоб вернуться
назад, в отчизну свою?
Покинули мы друзей и жену? богатство и славу, родных
и семью?
Покинули мы людей и народ? закон, справедливость,
отчизну, права?
Иди и не медли! покинули мы лишь оковы и цепи, обман
и слова!
Ах! женщина что? кровожадный паук, коварный и лживый,
тщеславье без дна,
Что любит лишь хлеб твой; и, яд в поцелуй вливая, другому
она продана!
На ветхой ладье лучше в море плыви, чем женщина, клятве
преступной, поверь:
Устами ее Иблис говорит! о блудница, в красивом обличии
зверь!
О лилии чистой, лучистой звезде ты мечтал, ты желал
спать под светлым крылом,
Ждал, что будет она бальзамом для ран, над страдающей
жизнью сияющим сном,—
Ты грзил о песне, как песнь родника, что влечет и поет в
голубых берегах.

Жаждал сладостных слез на небесной груди, бессмертной
росы на прелестных очах!
Но жаждущим душам женщин любовь только горечь сулит,
как морская вода.
В сладострастном томленье ты тело лобзала, не насыщен и
с новым желаньем всегда!
О бесстыдное тело женщин! змея! преступленья и зла
сатанинский сосуд!
Упоения горьки, палящие плоть, и на солнце души они
тучу несут!
Ненавижу любовь, этот буйный прибой обжигающих
больно, палящих пучин,
Этот сладостный яд, опьяняются чем и жалостный раб, и
царь-властелин!
Ненавижу любовь, что жестока, как смерть, что рождает
повсюду зло без узды,
Неисчерпаемый ключ, что струит на весь мир постыдную
тину вместо воды!
Ненавижу я женщин, лобзания их, гнушаюсь коварств,
оскверняющих нег,
От порочного ложа ласки бегу и родильницы одр
проклинаю навек!
Вас, жестокие роды и боли, кляну! порождаете вы стаю
хищных винер,
Что, клубаясь, шинят и друг друга язвят, чадной страстью
сквернят звезды выспренных сфер!
Тот бесчестен, себя превратил кто в отца, из блаженного
сна вызвал новый росток,
В жизни сей стебелек на страданья обрек, и над ним
бытия геенну зажег!
«Согрешил мой отец в былом предо мной, но я ни пред
кем греха не совершил!»
Напишите так на могиле моей, если мне суждено ведать
радость могил.
Доколе вокруг изумрудных берегов Геджаса гремит прибой
удар,—
Желать я не буду женской любви, искать я не стану
обманчивых чар.
Скорей возжелаю терновник ласкать, его куст целовать,
что дик и колюч,

Скорей на скалу главу положу, ланитой прильну на камень
горюч!»
И караван, стозвучно звения, свой путь продолжал, виясь,
как змея,
Спокойно и стройно к пустыне нагой он шел все вперед в
золотые поля.
Казалось, рыдали в ночи бубенцы и звонкие слезы по
капле лились,
Как будто рыдали о том, что в былом любил Маари, и
твердили: «Вернись!»
Свирели зефиров пели во мгле, так сладко, нежней, чем
напевы шарги,
Про раны любви, про тосклившую скорбь, про тихие сны и
мечтанья тоски.
Были сумрачны думы Абул Алы, и грусть его снов — без
конца, без границ.
В душе тосковал Абул Маари, безнадежной тоской было
сердце полно,
К созвездиям нежным он взор устремлял, с безбрежным
путем сливаясь в одно,
Но назад не глядел на пройденный путь, и душа не горела
забытым былым,
Отвечать не хотел на приветы других и приветов не слал
караванам другим.

С ура III

И караван Абул Алы, как ручей, что журчит посреди
тишины,
Спокойно и стройно шел все вперед при сладостном свете
смиренной луны.
И луна, словно грудь юной девы — из тех, что мечтают в
дженнате, прозрачна, светла,
То стыдливо скрывалась во мглу облаков, то зыбко и нежно
по небу плыла.
В благовонную дрему укрылись цветы, из алмазов надев
несравненный юбор,
Птицы, с крыльями радуг, ласкались, дрожа; доносился их
щебет, как радостный хор.

Ароматом гвоздики нашептывал ветр сказки древних времен, сказки Шехерезад; Кипарисы и пальмы, в изнеженном сне, у старой дороги качались в ряд. Сказкам ветра внимая, Абул Маари сам с собой говорил, знаменитый поэт: «Вся вселенная — сказка, полная чар, где нет конца и начала где нет. Кто же сплел эту сказку, роскошный рассказ, сплел с ней вместе созвездья бесконечность чудес? Говорит беспрестанно с таким волшеством на бесконечность ладов, говорит, но исчез? Возникают народы, уходят во мглу, но никто разгадать смысла сказки не мог, Лишь поэты порой, что-то в ней угадав, бессмертный напев оставляют в залог. Начала ее не слышал никто, не услышит никто ее конца, Но веками живет каждый жизненный звук, без начала живет, живет без конца. Для каждого, что приходит в сей мир, прекрасная сказка также нова, Начинается с жизнью, до смерти звучит, пока жив человек, эта сказка жива. Вселенная — сказка, жизнь — некий сон, народы — прохожий в пути караван, Идущий вперед, с пламенеющим сном, к недвижимым могилам неведомых стран. Слепцы и безумцы, не чувствуя сна, упорно не внимая той сказке святой, Вырывают с борьбой друг у друга куски, друг друга толкают к могиле с борьбой. Мы создали сами законов ярмо; паук нам расставил губящую сеть; Волшебную сказку мы сами мертвим и снам не даем их огнем пламенеть. Злосчастные люди! все будет лишь прах: ваши злые сердца и дела ваших рук. Безучастное время сотрет все следы кровавой расправы, и славы, и мук!

И ветер беспечный будет свистеть над плитами ваших забытых гробов,
Ибо вы не сумели упиться вполне этой сказкой волшебной, целебностью снов!»
Меж тем караван бриллиантовых звезд свой путь совершил по небесным путям,
И торжественно-ясный, божественный звон звенел неумолчно в просторах и там.
Был полон весь мир, очарован во сне беспредельным напевом, перезвоном с высот.
«Иди, караван мой! сплетая свой звон со звоном небесным, нетленным,— иди!
В материнское лоно природы веди, развей мои стоны, назад не гляди!
В тот светло-одеждный, неведомый край, к одинокой, далекой, безвестной стране,
Где есть мой оаз, где грез моих ключ звенит, освежая в святой тишине!
Молчаливое небо! со мной говори языком твоих звезд и меня утешай!
Ты сердце мое, что мир уязвил, что ужалили братья, в тиши обласкай!
Сердце вечно в слезах, сердцу весть подает, мое сердце горит неизбывной тоской,
И в душе моей пышного неба простор, и любовь беспредельная с тихой слезой.
Свободен мой дух! над собой не терплю я ни силы, ни власти, все — воля моя:
Нет для меня ни блага, ни зла, ни суда, ни закона, я сам свой судья!
Над моей головою быть не должно ни защиты, ни крова от вечной Судьбы;
Пусть вне жизни моей — как в темнице темно, пусть там, где не я, цари и рабы!
Быть хочу вне пределов, не ведать владык, долга не знать, забыть божество:
Быть свободной, безмерно, безгранно, во всем,— душа моя жаждет лишь одного!»
Караван все вперед совершил свой поход, и сияли над ним,— так смеется дитя,—

Очи вечно свободных, сверкающих звезд, в тверди синей
над тихой пустыней блестя.
И мерцания светлые звезд золотых страстно звали его,
посылали привет,
И тысячью звонов с прозрачных небес наполнялась душа
гармонично в ответ.
Росою волшебной в дремотной ночи весь искрился путь в
бирюзовой дали;
В бирюзовую даль, в безмятежную даль верблюды,
качааясь, размеренно шли.

Сура IV

Как гигантская птица, черная ночь широко простерла
крылья свои;
Огромные крылья нависели, покрыв караван, всю пустыню,
оазы, ручьи...
И от дали до дали сумраки туч разостлали по небу,
чернея, кайму;
Луна и созвездья утратили свет, и казалось, что тьма
окутала тьму.
Налетели сурово ветры, стена, словно кони, сорвавшись с
узды иль с цепей;
В урагане кружились, крутились в борьбе облака и песок
сожженных степей.
Смертоносную дрожь вызывали, свистя, и на сто голосов
зывывали вокруг,
Словно звери на воле, от боли рыча, из железных затворов
ринулись вдруг.
Вились по ущельям, с весельем вопя, листья пальм по
оазам крутили, шурша,
И скорбный псалом запевали потом, словно чья-то в
пустыне рыдала душа.
«Иди, караван мой! стойко иди! против ветра вперед!
остановок нам нет!»
Так, в душе сам с собой, говорил с тоской Абул Маари,
великий поэт.
«Войте, лютые ветры! ревите кругом! обвевайте вь, вихри,
главу мою!

Вот, робости чужд, с непокрытым челом, я, буйные ветры,
пред вами стою.
Нет, я не вернусь назад в города, где ликует, бушует
мутная страсть,
Не вернусь никогда я в те города, где людская царит
кровожадная власть.
Нет, я не вернусь, бездомный, домой! я сам погасил свой
отчий очаг.
Горе тому, кто живет в дому, кто не смеет, как пес, отойти
ни на шаг!
Налетите, о ветры, на отчий мой дом! Расшатайте устои,
разрушьте в нем все!
Развейте по свету безбрежную пыль! Дорога без края —
моё жилье!
Уединенье — отчизна моя! отчий кров мне теперь — в
звездах небеса!
И караван — теперь мне семья, и мой покой — пустынь
голоса!
О чудесный мой путь, неизвестный всегда, вечно полная
жизни отчизна моя!
Уводи меня вдаль! сердце, полное слез, уводи в те края,
где один буду я!
И куда бы ни привел, и оттуда спеши: на пути остановка —
новая боль!
Добрый путь уводи, дай исчезнуть, пропасть, дай скрыться
от всех, затеряться позволь!
Что осталось за нами, о мой караван, чтоб вернуться
назад, в край близких моих?
Покинули мы друзей и жену? богатство и славу, семью и
родных?
Людей и народ покинули мы? закон, справедливость,
отчизну, права?
Иди все вперед! покинули мы лишь оковы и цепи, обман
и слова!
Что слава? Сегодня возносят тебя, именуя, ликуя, к
последней черте,
А завтра с презреньем каменями бьют и топчут, повергнув
в своей слепоте.

Что честь? или что уваженье людей? чтут золото только,
из страха нас чтут,
Но чуть поскользнешься,— стал честен другой, над тобой
же свершают безжалостный суд.
И что же богатство? им каждый глупец покупает и власть,
и талант, и любовь.
Богатство — то трупы убитых людей, и слезы сирот, и
пролитая кровь.
Да что и отчизна? глухая тюрьма! поле брани и злобы, где
правит толпа,
Где тиран беспощадный во славу свою в пирамиду слагает
жертв черепа!
Ненавижу отчизну! она богачам тучным пастищем служит
для всяких потреб,
А пахарь бесправый кровавой земли голый камень грызет,
взирая на хлеб!
Ненавижу я чернь! работягна, тупа, она повторяет любой
глупый толк,
Но, духа гонитель, насилья упор, она, власть почуяв,
свирипа, как волк!
И общество что? только лагерь врагов, где все неизменно
в презренном плену.
Оно не выносит паренъя души, стремленья свободной
мечты в вышину.
Общество — обруч, сжимающий дух! ужасающий бич,
свистящий под смех,
Ножницы жизни, что режут людей, чтобы равными сделать,
похожими всех.
Ах! что и законы? самими людьми в руки сильных дается
отточенный меч,
Чтобы сильных хранить, чтобы слабых губить, чтобы
головы бедным безжалостно сечь.
Я ненавижу, во гневе святом, людские законы, права и суды.
Где властен закон, там бедняк угнетен: где не дремлют
суды, там свобода вражды.
Путь неведомый мой! бесследно укрой меня вдалеке от
кровавых прав!

Пусть лучше меня растерзает тигр, чем в силу закона будущий прав.
Меня уведи, о мой караван! ехиднам доверь, под песком склони!
Шаг в пустыню направь, от закона избавь! да в великой свободе пройдут мои дни!»
А в ярости буйной огнистым мечом руки молний рубили по мглистости туч,
Дробились в упор о выступы гор, и гром грохотал, непокорно-могуч.
Ветры вошли, в оазах вдали, кипарисы и пальмы шумели, треща,
И караван, под звон бубенцов, безудержно, быстро бежал, трепеща.
Бежал он, летел он под звон-перезвон, песчаным плащом покрывая свой путь,
Как будто гонимый незримой рукой, от грозной погони спеша ускользнуть.

Сура V

Благоухали в полдневном жару нарцисс и затор, дыша, все в цвету,
И караван, затерян в пыли, подвигался вперед, утомлен и в поту.
«Иди, караван мой! сквозь бурю и зной, в пустыню войди, остановок нам нет!»
Так в гневе, с тоской, говорил сам с собой Абул Маари, великий поэт.
«Пусть встретит меня обжигающий ветер, след в горючих песках пусть согрет он навек,
Чтоб меня человек не нашел никогда, чтоб рядом со мной не дышал человек.
От людей я в пустыне буду спасен, так кого же еще мне бояться теперь?
С громким рыканьем в песках на меня пусть нападет яростный зверь!
Уже вижу я львов рыжешерстных вдали, что глядят на меня, тая свой порыв,

И ветер свеаает тысячу искр на желтый песок с их
желтеющих грав. О придите, взываю, я не бегу! придите пожрать
уязвленную грудь! Я назад в города не вернусь никогда, в людское жилье не
войду отдохнуть. Быть должно с людьми на страже все дни, с оружием в
руках озираться вокруг, Чтоб тебя не обидел, не растерзал, накинувшись вдруг, и
недруг и друг. Что люди? под маской — дьявольский лик! у каждого
коготь и жало найдешь, Коныто и клык; их лживый язык всегда ядовит и колет,
как нож. Что люди? Им любы крохи твои! Взирает их взгляд, где от
денег ключи. Готовы отречься, готовы предать, что стая лисиц, палачи,
палачи! Все низкопоклонны, продажны все, малодушны и льстивы
во дни нищеты, Все немилосердны, мстительны все, во дни богатства
кичливы, пусты. Обозревши пески, если счесть все шаги, что мой караван
по дороге прошел, Несчетность шагов не сравнится с числом в единые сутки
свершаемых зол. И вот говорю я: услышьте меня, ты, Север и Запад, ты,
Юг и Восток! Чьи враждебные ветры внемлют теперь правдивым словам,
что путник изрек! Услышьте, разведите жгучую речь, пусть от моря до моря
узнает весь свет, Что хуже, постыдней, чем человек, что жесточе его —
создания нет. Люблю я шакала и с жалом змею, и лишь к человеку во
мне нет любви. Кто столь же нещадно мучил меня? чьи алчные руки столь
же в крови? Доколь над пустыней в синей выси огневеет созвездий за
взглядами взгляд,

Cypa VI

И караван Абул Алы, врат пустыни достигнув, стал утомлен.
Аравийской великой пустыни предел пред ним простирался, солицем сожжен.
Берега кругозора над далью песков загорались, один за другим, в свой черед;
Черно-бархатный плащ поднимала мгла; в фосфорическом блеске дрожал небосвод,
И близ каравана Абул Ала, одинокий, спокойный, задумчивый, сел,
Главу преклонив на златистый утес, он пристально в даль голубую смотрел.
«Как свободен, свободен безбрежно я! ужель берега пустыни сполна
Вместят, заключат свободу мою, обнимут свободу без граней, без dna?
Не достигнет рука человека меня, не подсмотрит никто моих пламенных грез.
О свобода! ты — светлый, святой аромат роскошных, в раю расцветающих, роз!
Венком этих роз меня увенчай, свой факел зажги в потемках души!
Ты, свобода, бессмертный, святой Аль-Коран соловьев, что в раю распевают в тиши!

Опьяняй же меня блаженством твоим, твоей светлостью
вечной меня опьяняй!
Все, что ранит в былом, да канет навек в благовонный,
бессонный, бездонный твой рай!
Только ты есть добро, милосердно лишь ты,— ты
бессмертная мать, благодать, свят, свят, свят!
Поправшее смерть, ты — мать весны, ты выше чудес,
ты прекрасно Стократ!
Тебя я люблю! тебя я люблю! жги, язви, опаляй средь
пустынь,
Палящей любовью меня обласкай и золото косм мне на
душу кинь!
Мне уста окровавь, на них наложив, как палящий пожар,
золотой поделуй!
Мне объятья раскрой, чтоб с блаженной тоской я кинулся
в бурю пламенных струй!
Эй, верблюды, пора! поднимайтесь! — вскричал, обратясь
к каравану, Абул Маари.—
От копыт отряхните проклятую пыль прежних, рабских,
дорог в свете новой зари!
И в последний раз внемлите словам: я вас ненавижу, люди
земли,
Ваших вер не хочу, гнушаюсь я всем, и злом и добром,
всем, что вы обрели!
Лишь цепи кует, создает человек, лишь тюрьмы рабам,
каждый день, каждый час.
Я вас ненавижу навек, навек! о, в последний раз ненавижу
я вас!
Пусть оглохнет мой слух, чтоб его не смущал ненавистный
шум, человеческий шум,
Пусть ослепнет мой взор, чтоб вовек не желал оглянуться
назад, на людской самум!
Вперед, караван мой! веками лети! веками мчись к солнцу,
взвизгайся, как пух,
Чтоб в светлых огнях, в пьяных лучах, осолнился я,
обесмертил свой дух!
О Солнце-родитель! пурпурным плащом мне плечи покрой
в моей новой судьбе,
Чтоб я, победитель, лазурным путем стремился мечтой все
к Тебе, все к Тебе!»

Сура VII

И златистые челны,— верблюдов ряды, прорезавши волны
огнистых песков,
Помчались, качаясь, взрывая следы, в златистую даль под
звук бубенцов.
Некакие самумы палящим крылом не догнали бы их меж
песчаных долин,
И их не догнал бы звенящим копьем, на быстром коне
летя, бедуин.
И пальмы оазов, как пери, светлы, лобзанья дарили Абул
Маари,
И пламенной сказкой, приветом любви услаждали его от
зари до зари.
Но он не внимал нежным шелестам их, приветом любви,
что шептала заря,
Он к Солнцу, он к Солнцу упорно летел, сам солнце подобен,
как солнце горя.
За ним расстилалась пустыня одна, залитая светом, лишь
светом одним,
А знойное Солнце в сапфире волос, пронизанных светом,
горело над ним.
Недоуздок на воле, мчался верблюд бесшумно, безумно,
рьяно вперед,
В желто-пламенном поле, не ведая пут, безразумно,
бездумно и пьяно вперед.
Под пылающим сонмом небесных лучей над верблюдами
словно горели венцы,
Немолкнувшим звоном вольней, веселей, свободней звенели
везде бубенцы,
И, пурпурным плащом одет, Маари летел, погружен в
божественный сон,
Лазурным путем от зари до зари, все к Солнцу, все к
Солнцу летел, опьянен.

1909

Газарапат

МГЕР ИЗ САСУНА

Глава первая

Встал храбрый Давид, князь Сасуна,— и вот
На Мысыр онвойной идет.
И вот за уходом Давида вслед
Хандут-госпожа
Завершила круг,—
Принесла на свет
Младенца, чтоб мощь унаследовал он,
И земли Сасуна, и джоджанский трон.

И, как стародавний обычай велит,
Пришли все старейшины дома Джоджанц,
Не в пеленки младенца они облекли,
А цепями от плуга его оплели,
И сказали старейшины дома Джоджанц:
«Если мальчик железные цепи порвет,
Значит, воли он хочет, ее обретет,
Он — нашего рода: отец его — лев».

А мальчик руками, ногами сучил,
И звенья раздались, и цепь он разбил.
И вестник к Давиду сквозь войско спешит.
И к Хандут свой наказ отправляет Давид:
«Чтоб сыну, чтоб львенку имя сыскать,
Ты отца моего имя возьми.
Надо Мгером его назвать.
Над нашей страною владыкою должен он стать.
Кто ломает железо, тот управляет людьми».

И горестный день пришел:
Скончался могучий Давид.
Боль сердца убила Хандут,
И Мгер одинок и сир
Остался, вступая в мир.

И тогда брат Давида — Чинчхапорик
Над могучим Сасуном владыкой возник.
Все добро, все сокровища брата он взял,
И растиль и выхаживать Мгера он стал.

Хоть малым ребенком был еще Мгер,
В Сасуне для всех он был силы пример,
Осанкой — в отца, с высоким челом,
Взор — орлиный, душа не знакома со злом;
Кудри — огонь,
Стан и руки, что сталь,— опасайся, не тронь!
Снедь семи человек поедал он зараз,
Все растут по годам, он растет по часам.
Непокорен он был, дерзновенен и яр,
Жил в нем пламенный жар.
А рассердят его, помрачнеет он тут,
Что вершина Немрут.

Горы грузно ступнями стоят в пропастях,
По вершинам их — молнии прыщут в ветрах,
Сила Мгера за молнией Мгера гнала,
Он выщипывал перья из крыльев орла.

* * *

И дядя однажды Мгеру сказал:
«Наши гряды, луга — все, что я сберегал,
Пастухи потравили; пойди погляди,
Ты за дело примись, дома зря не сиди».

И Мгер спозаранок вставал,
На плечо надевал
Суму буйволиную с хлебом, с питьем,
По просторам сасунским сновал, по горам,
Охранял он сасунские нивы, луга.
На сасунских горах многое есть родников,
И серебряной, буйною гривою львов
По уступам простерся их пенный покров.
Садился Мгер у воды,
Сразу весь хлеб съедал,
Голодным весь день блуждал.

Он, домой возвратясь, дяде вечером говорил:
«Сегодня опять я не ел ничего».—
«Сынок, отчего?
Банджары да синдзы ты можешь в лугах нарывать,

Собирай их и ешь, зачем голодать?»
Поднимался Мгер,
По теснинам сновал,
Диких пчел
Благородные соты сбирал,
Съедал, набирался сил.
Карабкался между скал,
По грозным гнездовьям орлов
Яйца собирая.
И кремнистые глыбы друг о дружку он бил,
Из огромных камней огонь высекал,
Разводил костер, пек
Яйца орлиные,
Съедал, набирался сил.
Охотничал он, бродил
В тростниках у реки Ангéх,
В дремучих, в темных лесах,
Без дорог, без тропы, без вех.
Вперегонку с ветрами бежал,
Перепрыгивал через ров,
Преследуя по пятам
Стада кабанов.

На вершину горы Мгер взбирался порой,
На вершину, встающую острой стрелой.
На уступах тех скал
Он порою стоял,
Где газель удержать своих ног не могла,
Там, где птичьего не было видно крыла,—
И кричал с дерзновенною силою в дол,
Словно вольный, гордый орел.

* * *

С вершины Андока, гром рождая и звон,
Глыба страшная сорвалась,
И крутилась она, неслась
На овец, на джоджанский загон.
Мгер подбежал, могучую спину
Подставил под глыбу, глыбу сдержал.
И до этого дня
Все висит задержанный Мгером обвал.

Мгер, домой возвратясь, дяде говорит:
«Сасунские камни — словно ножи. Взгляни —
Разодрали в клочки мои лапти они».

Чинчхапорик молвил в сердцах:
«Почини! Носил их не много дней!»
Мгер заворчал и бесстрашно напряг
На дядю он лук бровей.

«От этого э́ва скоро настанет беда,
Он — бес исполинский, страшный вишап.
Увещаньям не внимает, не слышит угроз», —
В страхе большом
Чинчхапорик молвил жене.
И порешили:
Так или эдак от Мгера себя упости;
Мгера, прочь прогоняя
Из дома, из края,
Направить по гибельному пути,
Навек из Сасуна выгнать его.
А Воробышка-крошку, сынка своего,
Что в стенах монастырских Марута за грамотою сидел,
Сделать властителем, чтобы наследовал он
Земли Сасуна
И джоджанский трон.
И вот снаряжают они
Отрока Мгера, снеди ему дают.
В Капуткох направляют,
К отцу Хандут.
«Твой дед престарелый, —
Дядя сказал, —
Не видел тебя долгий срок.
Отправляйся, людей повидай, белый свет
Исходи.
Научись хоть чему-нибудь, сынок».

* * *

В путь отправился Мгер, в Капуткох пришел,
В землю деда пришел...
В доме дедовском пробыл он ровно семь лет,

Наездничал с дядьями он,
По охотничьим взгорьям скакал на коне,
Со старшими наравне
В схватки вступал, в латах, в броне.
Но час настал, и скончался дед.
И Тева-Торос, дядя старшой,
Мгера позвал, с усмешкой сказал:
«Глупый Мгер! Иль тебе не приходит на ум,
Что в наследье ты б мог получить Сасун?
Твой отец имел бурдюки, золотую в них россыпь храня,
Он села, он долы, он грады имел,
Меч-молнию,
Огненного коня.
Пристало ль тебе обивать, как бездомному, наш порог?
Твой дядя добром овладел, расправляется с ним,
А ты на чужбине совсем изнемог!
Эй, сумасброд Джоджанц! Да не иссякнет твой дым!»

* * *

Мгер тут вскочил и расправил грудь.
Палицу — в руки,
Под ноги — путь.
Пошел и пришел в престольный Сасун.
А как прибыл в Сасун — на колени он встал,
Землю края родимого поцеловал
И стрелою помчался в Аррюцаберд,
В старинный очаг Джоджанц.
Он в замок отцовский под вечер вошел,
Он, от гнева сгорая, речь с дядей повел:
«Как ты князя Сасунского мог
Заставить чужой обивать порог?»

Еще говорил он,— Чинчхапорик
Топнул о землю; взлегел
Его грозный крик:
«Проклятье тому, кто сирот
Под крылом своим бережет!»
Мгер за палицу взялся вмиг,
Да рука на дядю не поднялась.
Разъярился Чинчхапорик,

Лято взревел
И дубину взял,
Мгер избил, из дому прогнал.
Мгер обернулся, взбешен и яр,
Да не послушалась снова рука,
Сдержал он удар.
И в путь он пошел, слезы горькие лил,
Над могилой родителей плечи склонил,
Попросил он прощенья, пошел он,— и вот
Уж не видно ни взгорий сасунских, ни вод.

Глава вторая

И Мгер, обездоленный, голодом, жаждой томимый,
Гонимый,
Даль в глаза свои взял,
Путь он под ноги взял,
И пошел, и пришел в Чапахджура поля.
И только пришел в Чапахджура поля,
Увидел он: в летний, в полуденный зной
Под сладостной тенью, под темной листвой
Сидит богатей, сидит он с женой,
Яичницу ест, попивает вино.
«Привет! На здоровье! —
Сказал ему Мгер.—
Я голоден, дай-ка мне хлеба поесть».
Промолвил богач: «Ступай в мое поле, работка там есть.
Очисть от камней его да прополи.
Попотей, хлеба дам,— голод свой утолишь».
Мгер пришел к батракам,
Глядят: батраки
Ногтями упорной сильной руки
Камни выдергивают: их рука
Поля очищает от сорняка.

Встал Мгер на колени, и тяжек был труд:
Лучи огневые, полдневные жгут,
Согбенную спину покрыл ему пот.
До вечера страждал в труде он,— и вот
Вечер пришел.

И он с батраками, понурый, в поту,
В землянку, как в нору, должен был влезть
И с ними гурьбою в потемках лежать.
Кус черствого хлеба дали — поесть,
Подстилку дырявую дали — поспать.
И лег он на землю и ноги поджал,
Да очи смежить было невмочь.
О житейских делах думал всю ночь
Мгер Джоджанц:
«Те, что знают лишь труд,—
Всухомятку едят.
Те, что бедных гнетут,—
Сытно, сладко едят».
И утро пришло;
Батраки поднялись.
За работу безропотно принялись.

И терпел он день, и терпел он два,
А на третий день
По челу его пробежала тень;
И на ум ему в этот час пришло:
«Тут не жизнь, а смерть! Только смерть и зло!
Я не воду, нет, в этом злом краю —
Яд змеиный пью!»
В руки палицу взял,
Путь он под ноги взял,
И пошел, и пришел он в город Востан,
И к пекарю Мгер
В услуженье пошел.
Весь день он дрова да воду носил,
И ночью работать уж не было сил:
В ночь муку он просеивал, тесто месил,
Склонялся к подушке... Век еще не смежил,
А уж вскакивал на ноги:
Доля хлеба для Мгера была мала,
И долю другую он взял со стола.

Хозяин увидел,
Сердito сказал:
«Эй, ты, ненасытный!
Все ты хочешь пожрать!

Вишан из Сасуна!
Чем же мне торговать?»
У Мгера в очах тут огонь засверкал,
И пекарь увидел и в страхе смолчал.

Хлеба под замок пекарь убрал.
Пальцем запоры Мгер отбивал,
Хлеба поедал.
Хозяин опять рассердился, сказал:
«Мгер! Зачем ты замки отбиваешь?
Хлеба поедаешь?
Иль закона не знаешь?
Хлеб чужой, не тебе предназначен он!
Есть кара! Есть кара!
И закон! Закон!»

И Мгер тут стальными плечами пожал,
Удивился, сказал:
«Кара? Закон? Про какую твердишь вину?
А это — закон?
Я — трудную лямку тяну,
Ты вкушаешь сладость одну
Да сколачиваешь казну!»

* * *

И с мрачной душой в путь отправился Мгер.
Из Востана дорога его увела.
И вот подошел он к земле Латар,
У какого-то встал села.
И Мгеру работу дал старшина.
Как батраку, за харчи,
Велел с рассвета начать,
Гонял его в поле под яростные лучи
И в виноградники богача.

Уж свет дневной уходил,
Крестьянин поле скосил,
Снопы увязал, сложил,
Заскирдовал на току
Золотую пшеницу.

MOK

Дорога гусана к скирдам привела,
Лира гусана — череп вола.
Три меж рогами струны
Туго натянуты, прикреплены.
Он отдал поклон, на сноп он присел,
Он по струнам ударил и складно запел,
Насущному хлебу он славу воспел.

«Да славится хлеб —
Благо народа!
Нужнее, чем хлеб,
Только свобода!

Мы хлеборобам от чистой души
Пожелаем долгие дни.
Насыщают, питают мир
Хлеборобы одни.

И о вас мы поем, о том,
Что труды ваши святы, поем.
О хлебе святом поем,
О свободе вашей поем».

Пернатые стаи слетелись с небес,
Зашебетали кругом
Их голоса.
Взяли долю они, взвились в небеса.

И князь появился — он полем владел,—
Он половину пшеницы унес.
А после и староста к току пришел,
И лавочник к хлебу дорогу нашел.
Мешками, в охапку пшеницу влекут,
Они золотую пшеницу влекут.
В счет побора, за долг, за налоги берут.
Ничего не осталось крестьянину тут,—
Только зернышки на току.

И как только все это увидел Мгер,
Не знал он, как пламень души превозмочь.
Он ахал весь день, он ахал всю ночь,
Думал, нахмурившись, Мгер:

«Простолюдин под гнетом ярма
Наполняет давильни и закрома,
Чтобы стали еще полней
Амбары князя и богачей.
А сам он — голодный, а сам — не одет,
Все такой же нагой, как родился на свет».
И Мгера позвал старшина, сказал:
«Ну, подать свою подай,
Подушную подать царю подай!» —
«Какая тут подать? Пред кем я в долгу?
Что за царь?
Он мне в долг не давал, что он просит с меня?» —
Так молвил отважный Мгер.
Закричал старшина, и вот все село
Пришло — работники, батраки,
На плечах у них змеи жгутов ременных,
Дубинки в руках у них.
«Вяжите,— сказал,— руки, ноги ему!
В железо закуйте! Бросьте его
В тюремную тьму!» —
«Эх, рабы скудоумные!
Не защитой вы стали мне в этот час,
А я с душегубом вашим борюсь!
Оружие вы взяли,
Пошли на меня,
Как будто я — не за вас!
Эй! В сторону все!
Пускай старшина придет,
Подать царю берет!» —
Так вымолвил Мгер
И великой твердыней
Стоял.

Порешили они —
Мгера схватить.
Мгер нахмурил чело,
Палицею взмахнул.
Ударила палица о ступу,
Взлетела ступа,

Крутясь, понеслась,—
Доселе летит.
И ветер от взлета стуны,
Словно молнии взмах,
Распластал старшину села:
Он лежал, как смердящий прах.
И люди взглянули — и вмиг все село
Точно бурей смело.
И с мыслью смутной,
С печальной душой
В путь он пошел
И увидел в пути:
Над лугами зелеными гор,
Над ключами, бегущими с гор,
Дикие стаи веселых птиц
Реют, поют,
С лепетом-щебетом в небе снуют.
И к ним обратился Мгер и сказал:
«Блаженные, дикие птицы!
У неба вы в милости,— прокляты люди,—
И вольно, беспечно,
Как дружные братья,
В любви вы живете, не зная забот.
Владелец полей вас не гнетет,
Поборов и даней с вас царь не берет,
Блаженные, дикие птицы!»

* * *

И Мгер огневой
До Медного города добрался.
Медного города стены, врата
Медночеканные были крепки.
Меднолитые своды моста,
Башни над крепостью были кренки.
И долго бродил он взад и вперед
По маленьким улицам и по большим,
И он, удивленный, на площади встал
Возле богатых палат.

И слышит он: мастер с высокой стены
Громко кричит:
«Эй! Кампей!
Эй! Раствору да щебня давай!»
Работники, на спины глыбы взвалив
Да ведра огромные, по ступеням
Узеньких улиц
Кверху и вниз
Снуют, колена трясутся у них,
Тяжко вздыхает грудь.
И Мгер увидел: рабочий-юнец,
С камнем тяжелым высоко взойдя,
Рухнул на землю и раскроил
Череп... и брызнул мозг.

И когда эту гибель увидел Мгер,—
Гневом пылая, вскричал:
«Эй, люд подневольный, чей тягостен труд!
Весь век строишь ты для князей, богачей
Давильни и погреба,
А для себя искони
Ты строишь тюрьмы одни?
Незавидна твоя судьба!
Пойду и построю я крепость,— одна
Вам только и станет защитой она.
Отцовские латы возьму и коня,
И сасунцев, полных огня,
И выйдем на бой,
И мир победим, корыстный и злой,
Во прах сокрушим,
И строй трудовой установим в миру,
Строй люда простого, закона и прав,
Чтоб труженик стал хозяином сам
Труду своему и своим хлебам».

Глава третья

И, с пламенем схожий, кинулся Мгер,
Полетел и взлетел
На гору Сасуна — Сасун и на Сим:
Сасуна гора громоздилась перед ним

И взбиралась до неба, горда, высока —
Точь-в-точь голова быка,
Что, фыркая, лютую стужу несет
И вихрей круговорот.
По ущельям сасунских рек
Огневые кривые клинки,—
То подножия Цовасар, чьи снега
К звездам возносят свои берега.
Без устали Мгер блуждал
От реки Ангех до Сехан-горы,
От Маратука до Цидмакакит.
Он для крепости место искал,
Он утесов искал, отвесных скал,
Удобных, пригодных скал.
И раз в непролазной чаще одной,
В теснине лесной,
Тигр огромный
Прянул на Мгера и заревел
Яростным ревом.
Размахнулся палицей Мгер,
Лютому тигру череп рассек,
Мясо поел, шкуру набросил
Себе на чело, разметал по плечам,
Словно гишт и халам.

Устрашающую скалу
Мгер отыскал
В извилинах Маратука,—
Словно высокий трон
Из железных руд.
Тут взирали со всех сторон
Провалы бездонные, пропасти темные,
И раскинулась тут
Для твердыни пригодная россыпь огромных
каменных груд.

И тогда Мгер Джоджанц палицу взял
И помчался; примчался в Таронский лог.
Лог Таронский большую реку имел,
Глубокую, многоводную,
По прозванию Арацани.

Сто сорок ручьев, ручейков
Друг с дружкой сливались, и вместе они
Сплетали реку Арацани.
И увидел Мгер — вода поднялась,
Поднялась, понеслась,
Размывая поля и жилье.
Вот все пашни зальет
Селянина!
Сжался Мгер,
С сердцем ужаленным на Каркé он взлетел,
Необъятную глыбу
С базальтовой сбил скалы,
Сдвинул и потащил,
Волоча, волоча,
Грохоча, грохоча,
Протащил — и в реку поверг.
На две ветви он глыбою реку разбил,
Эта — влево легла, та — направо пошла,
И спала вода,
И веселыми вновь
Увидел жилье и поля
Селянина.
Как таронцы увидели силу его,
Испугались, диву дались.
Побежали, вбежали
В Арэв-Арринч, город торговый, большой,
В латунные стены Вишапаберд,
И ворота латунные Вишапаберд
На сорок замкнули замков.
Мгер подбежал, палицей он
Семь раз по воротам прогромыхал,
По латунным воротам прогромыхал,
Он топнул о камни стальною ногой,—
Будто горный взгримел обвал,
Загремели скрепы, замки
На воротах латунных Вишапаберд.
«Эй, таронская знать! Князья!
Вот воля моя:
Собрать, созвать, мне передать
Сто мастеров, чтобы камни тесать,

Сто мастеров, чтобы стены класть!
Десять сотен рабочих, носильщиков дать,
Чтобы камни таскать, железо ковать,
Десять сотен рабочих, носильщиков дать,
Чтобы землю копать, свинец расплавлять!
Созвать их, мне передать, иль ваше жилье
Я в прах превращу,
На ветер пущу!»

С челобитной ко Мгеру пришли,
Хлеб и соль принесли
Знатные города Арэв-Аринч.
Купцы, богачи
В этот же миг
Серебра да еды поспешили дать,
И сто мастеров, чтобы камни тесать,
И сто мастеров, чтобы стены класть,
И десять сотен рабочих, носильщиков дать,
Чтобы камни таскать, свинец расплавлять.

И забрал мастеров и работников Мгер,
К kraю повел своему,
В высокий Сасун повел,
В край огромных, высоких скал.
На скале устрашающей с ними он воздвигал,
Словно щит непробойный, крепость и вал;
Из могучих камней, из базальта, кремней
Бойницы, проходы и своды слагал.
Не извесь лили они — свинец
В основанье стен;
Не щебень клали они — свинец
Меж камнями стен.
А башню они возвели под конец
На вершине, где только орла
Крыло
Ее задевать могло.
Стальной был затвор,
Стальной был запор
На огромных вратах.

Построили пышные своды они
Высоких палат.
И окнами грозно
Палаты глядят
На извилистые пути,
На близкий путь и на далекий путь.
И сказал он: «Название крепости есть —
«Мгерова месть».
И гремит это имя до нашего дня —
Вооруженный и строгий
Страж.

* * *

И, быстро ступая, отправился Мгер
В престольный город Сасун.
Спросонок заря раскрыла глаза,
А небо морем пурпурным текло,
Словно туча, вздымался дым
Из очагов и труб.
Этот день — был воскресный день,
Обедни служили в церквях.

И вошел он в Аррюцаберд,
В свой джоджанский дом.
Златокованый пояс Давида взял,
Семь запоров с ларя сорвал,
Доспехи, кольчугу Давида взял,
Панцирь нагрудный скрепил он у плеч,
В родительский шлем смог чело он облечь,
Он к бедру привязал меч Авлуни — Молнию-меч.
Он в ворота конюшни удариł ногой,
В десять запоров на них,— и вот
Железные створы ворот
Распались, осколками прозвеня.
Мгер Давидова вывел коня,
Огневого коня, за гриву держа,
Положил ему руку на шею, чтоб сесть.
Из церкви вышел Чинчхапорик,

Нахмурился, закричал,
За локоть Мгера схватил:
«Чтоб не стало тебя,
Мгер беспутный и злой!
Твой увидеть бы гроб!
Провалиться б тебе!»

Локотком оттолкнул
Неугомонного дядю Мгер.
Локоток по зубам прошел,—
И всех-то зубов лишил
Неугомонного дядю Мгер!

Вскочил на коня солнцеродный Мгер,
Разгорячил, да не дал увлечь;
Как домчался до площади, встал.
В правой руке —
Тысячелучный Молния-меч.
Как в Андокских горах громыхает гром,
Над городом голос гремит,
Мгер горожанам кричит:
«Эй, вы, сасунские храбрецы,
Эй, селяне, работники и рабы!
Все, кто может владеть копьем и стрелой,
Все, кто может владеть дублем, булавой,
Оружье берите,
Идите за мной!
Разрушим навеки мир темный и злой
И строй трудовой установим в миру,
Строй люда простого, закона и прав.
Чтобы труженик стал хозяином сам
Труду своему и своим хлебам».

И голос Мгера прогромыхал
По ущелью Сално сквозь Ворота Щопац,
Чапахджур пробежал, в далях Муша звучал,
К скалам Хута вбежал, на вершину Гыргур,
И вернулся опять,
Чтоб стоголосо звучать
Над Сасуном.

Глава четвертая

Все главы Джоджанц, весь могучий род:
В Горлан-Оган, да и Хор-Гусан,
Тар-Воробышек, с ним и Хор-Манук,
И Вжик-Мхо, да и Бранц-Курик,
Да и Джодж-Вирап, да и Чох-Вирап,
И придворных рать, и сепухов тьма,
И свободных тьма, и подвластных ряд,
Под защитой лат, со щитом, с копьем,
Со стрелой, с мечом,
Пред собой гоня
Много множества из окрестных мест
Голытьбы, рабов, тьму людей простых;
Их в броню одев, давши латы им,
Камни, лук, прашу,—
Рьяно ринулись и сгрудились все, против Мгера встав,
И вопят ему:
«Эй, дьявол Мгер!
С коня ты сойди! В церковь иди!
Восплач, взмолись, отвернись
От наущения сатаны!
А биться хочешь... Не сетуй.
Рубя,
С вековыми костями смешаем
Тебя!»

Мгер молчит — недвижим,
Что гора — недвижим,
Все зараз подались назад;
Все зараз застыли... стоят.
Все зараз о камни ногой
Громко ударили — раз!
Сомкнули ряды; призывая в бой,
В щиты кулаками ударил строй,—
И ринулся рьяно,
Крича и гремя,
Словно буря рванулась вперед
Волна за волной.

До небесных высот
Тучу пыли взнесли,
Налегли,
Напряглись,
Кулаками грозя,
Подпирая друг друга, рвались, неслись, добрались
До Мгера — рвать его
И топтать.
Пришпорил Мгер огневого коня,
Ворвался в толпу,
На две стороны бросил врагов,
Направо — одних, налево — других.
Отбросил, погнал, и настиг, и сдержал,
И встал он лицом к лицу
С князьями, со знатью
И с людом дворцовым,—
И меч Авлуни, словно молния, бил.
Словно пламень могучий меж темных туч,
Все кромсал он, бросал,
Сжигал и топтал,
А тех, кого меч острием не пронзал,—
Тех пламень, бегущий с меча, поражал,
И паводком кровь текла.
Кто целым остался — в страхе бежал.
Словно хворост сухой, рассеялись все.

* * *

Князья, священники, старшины
Со звонницы церкви подняли звон,
И дряхлые старцы со всех сторон,
И мать, и дитя, и бедняк, и богач
К церкви стекались,— и толпы росли,
Словно волны морские шли.
Запрудили церковь со всех сторон
Князья, священники, старшины,
Стекался весь город шумливый —
Сасун!

И прокляли страшного Мгера они:
«Проклятье тебе,
Злохитростный Мгер!
Ты с антихристом схож!
Ты бушующий дэв!
Ты, восставший на мир,—
Чтоб ты жаждал всегда, чтоб голодным блуждал!
Чтоб ты был без детей, без наследников был!
Чтоб ты смерти взыскал, да ее не сыскал
До поры, как придет Иисус
Суд вершить над тобой!»

И проклятье дошло, поймало
Мгера.
И земля не могла — не держала
Мгера.
По колена ноги коня
Погружались в прах.
С великим трудом
До могилы родителей Мгер добрался,
Обнял могилу, молвил в слезах:
«Отец, поднимись!
Мать, поднимись!
Укажите исход
Вашему Мгеру».

И вот из могилы голос идет,
На плач ответ подает:
«Отправься, сынок, на взгорье Тоспан,
В Воронову пещеру,
Порыдай, пострадай,
Покайся в слезах,
Чтоб Христос тебя пожалел,
Даровал избавленье».

И родная земля не держала
Мгера.
И солнце, как взор умирающих,
Меркло,
И тускло взирало, не согревало
Мгера.

По колена ноги коня
Погружались в прах.
И с великим трудом Мгер поплелся
И добрался до озера Ван.
Отомкнулась Воронова пещера,
В объятья свои приняла
Мгера с конем.
И замкнулась Воронова пещера,
Как пустила Мгера с конем.

И Мгер-исполин
В пещере живет.
Тусклый мреет огонь
Дни и ночи над ним.
На день — кружка воды,
Хлеба в день — три ломтя.
Пред копем — сноп трилистника
Вечнозеленой травы.
И, бессмертный, думает Мгер
О жизни людей,
Мирские дела змеей
Обвивают сердце его,
И не плачет, не каётся он,
Чтоб Христос его пощадил
За его злые дела.
И плывут
Тучи, полные пламенем, влагой,
С величавой вершины Масиса,
С увалов Сипана, с моря Ципан,
Пламенем бьют
В нагую Воронову пещеру,
В закрытый за Мгером вход,
Громыхают, сверкают,
Убывают, себя истощив.
А в недрах пещеры, в глуби скалы,
Гневом исполненный, Мгер
Грозно кричит.
Топочет и ржет
Взнузданный конь, огненный конь.

Потрясают и Мгер и конь
Мир до его основ.

И в день вознесения каждый год,
Когда небо к земле с лобзаньем идет
И воду цеует огонь,
В день вознесения каждый год,
Когда все раздвигают створы ворот,
Опасаются в селах и в городах:
Распахнется Воронова пещера,
Появится Мгер.
И горожане, селяне
В слезах
Молят Христа:
Злого Мгера связать, не выпускать,
Чтоб не вырвался он, землю не разорил.
И в одно вознесенье, когда Мгера врата
Вновь разомкнулись — в пещеру проник
Старый пастух, и пред старцем возник
Кто-то могучий, подобный скале.
На его голове был шлем,
Он сидел на коне огневом,
Молнию он держал,—
Так он старцу предстал.
«Кто ты?» — молвил старик.
«Я — Мгер, сын Давида.
Ты откуда пришел, старик?» —
«С белого света», — молвил пастух.
«А мир изменился иль нет?» —
Спросил его Мгер.
«Мир все такой же, как был», —
Молвил старый пастух.
«И по-прежнему люд простой изнывает в труде
И добычу свою отдает другим,
Сам голодным живет?» —
Спросил его Мгер.
«Да, все по-старому, Мгер Джоджанц». —
«Ну, возвращайся в свой злобный мир», —
Сказал возмущенный Мгер.

«Когда же ты выйдешь на белый свет?» —
Мгера спросил старый пастух.
«Когда нож до кости
Дойдет
И Мгера народ
Позовет», —
Грозный ответил Мгер.
Из пещеры вышел пастух,
И замкнулась Воронова пещера.

* * *

И до этого дня
Мгера пещера таит.
Он сидит на могучем коне
В броне,
Молния в правой руке,
Щит на левой руке,
На голове его — шлем.
Слушает... мир окружающий — нем.
Слушает... глухо, темно.
Вся душа его в слухе,
Ухо
К народу обращено.

Эпилог

Даль времен велика, миновали века
С той поры, как любящий бедных Мгер
Был замкнут в пещерный мрак.
Злобных тысяча лет прошло,
Снова тысяча злобных лет,
Унылых, свирепых, тягостных лет.
И простой народ, подневольный раб,
Что животное выючное, изнывал,
Страдал, тяжко грудь вздымал,
Поля засевал, города воздвигал,
На потребу жадным, скуным
Князьям да владельцам,
Царям, богачам,

Повсюду, во всех краях
Изнывал, умирал в трудах:
В пустыне морей, меж бурных зыбей,
Под жаром полдневных лучей,
Меж вылог ледяных.
И вечно он жил, и вечно бродил
Голодным, нагим —
Таким,
Как родился на свет.
И права не знал, и воли не знал,
И день изо дня да из года в год
Злоба господ,
Насилия гнет
Тяготили
Народ.
И нож до кости дошел,
До сухой народной кости.
А как нож до кости дошел,
Не выдержал, крикнул народ,
Из поселков и городов,
С берегов озер и морей,
От кузнецких огней,—
Подневольный бедняк, обездоленный раб
И работник любой —
Все, к смерти готовые, вышли
На бой.
И кричали, взывали, звали
Грозного Мгера.
И, пылая, что пламень, со всей земли
Тысячи, тысячи зовов неслись,
И зовы, что буря, что буйный прибой,
Воронову пещеру нашли, и пришли,
И постучали в скалу.
Слышит в пещере Мгер:
Пылающих кличей тысячи тут!
Тут к смертному бою зовы зовут!
Десницу железную выпрямил Мгер,
Безмерно взыграло сердце его,
Грозно заржал конь огневой,

До основ потрясли они мир земной,
И рассекли скалы они.
Молнии бьют с меча Авлуни,
Ужас рождают, срывают они
Пути, затворы; затворов — уж нет:
Мгер появился, вышел на свет.
Шотекли бедняки, появились, пришли,
Тысячи, тысячи, тысячи их,
Подневольных рабов и рабочих любых!
Обступили морем безмерным,
Бурнодышащим
Мгера,—
И грязнули враз,
И ринулись
На царей и князей,
Грозно грязнули враз,
Злой разрушили мир
И сирой трудовой утвердили в миру,
Строй люда простого, закона и прав,
Чтобы труженик стал хозяином сам
Труду своему и своим хлебам.

1919—1937

Женева — Ереван

ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

I

Светозарен Тадмора дворец. Средь песков
Он, как марево, путника взоры манит.
На семьсот беломраморных стройных столбов
Опираясь, возносится башня в зенит.

А вокруг него — пальм легковейная тень,
Где, на вайях качаясь, печально поют
Чудо-птицы; журчат водометы весь день,
И цветы, все в росе, над бассейном цветут.

Эль Саман там на троне с царицей своей,
Стан царицы его обвивает рука.
На груди его косы ее, что пышней
Нунуфара-цветка на струях родника.

Бирюзовый прибой, что ласкает волной
Голубого Ливана скалистую круть,
Не сверкал, не сверкал еще пеной такой,
Снежно-белой такой, как царицына грудь.

Вокруг высокого трона веселой толпой
Златокудрых прислужниц и слуг хоровод
В стройной пляске плывет под прохладой ночной
До зари и весь день. И всю ночь напролет.

II

Гаснут свечи. Дворец опочил в тишине.
Как серебряный лебедь в бассейн, сквозь туман,
Месяц канул, плескаясь, ласкаясь в волне,
И шептать начинает тогда Эль Саман.

Шепчет он светлолицей царице своей
На ушко,— и так нежно и ласково так,
Что едва ли колонны ласкает нежней
Луч луны, проникая в немой полумрак.

— Небеса высоки, о царица моя!
Но любовь моя выше высоких небес.
Корни гор глубоки, о царица моя!
Но любовь моя глубже их огненных бездн.

И прекрасный мой замок в обломках падет,
Их завеет пустынь налетающих прах,
И бездонное море Сидона придет,
И затопит пустыню, и скроет в волнах.

И к исходу времен подойдут времена,
Солнце дня почернеет, погаснет луна.
Лишь любовь моя — неугасима одна,
Бесконечна, безбрежна и вечна она.

Очарованный царь поцелуями пьян.
Негу черпая, словно в волшебном вине,
Млеет, тает, горит и живет Эль Саман.
Время — вечность и миг, и течет, как во сне.

А из черных узорных дворцовых ворот
Сладко пахнет алоэ и мускус. И там
Юных слуг и прислужниц идет хоровод,
И певцы прижимают свирели к устам.

III

Но разорвана смерти крылом тишина.
Одиноко и грустно лампада горит.
Умирает царица — кротка и бледна,—
Голова на груди Эль Самана лежит.

Умирает она, как роса в лепестках,
Как дитя на святых материинских руках,
И беззвучно рыдает над ней Эль Саман,
Шепчет он ей сквозь благоуханный туман:

— Я разрушу, низвергну небесную твердь,
Но не дам, но не дам я тебе умереть.
Прогоню, одолею угрюмую смерть,
Но не дам, но не дам я тебе умереть.

IV

Заходила луна, восходила луна.
И, обняв погруженную в сон гробовой,
Шепчет на ухо ей Эль Саман. И нежна
Его речь, как мерцанье колонн под луной.

И покинули в ужасе замок его
Сонмы слуг и прислужниц. И стали пусты
Залы замка. Безмолвно вокруг и мертвое.
Вайи падают с пальм, умирают цветы.

Тихо плачет и всхлипывает водомет,
Меж колонн паутина густая висит.
Только ветер пустынный в пролетах поет,
Пыль над троном взметая, злорадно свистит.

И холодной блестящей своей чешуей
Прах стирает змея с пожелтевших костей,
Но мертвец Эль Саман костяною рукой
Обнимает еще стан царицы своей.

Он склоняется к ней и, беззвучно почти,
Что-то шепчет оскалом из мертвой кости.
Шепчет вечно, беззвучно вочной тишине,
Как седые колонны холодной луне.

И зачахли и высохли пальмы садов,
И обрушились своды, и свет их померк,
И руины завеял песчаный покров,
Только башни высокой не скрыл, не поверг.

Над унылой могилой, в пустыне одна,
Как свидетель, свой купол возносит она,
Чтобы дальние звезды узнали о ней,
О любви Эль Самана, что смерти сильней.

Чтоб поведали миру о давней любви,
О могучей, бессмертной и славной любви,
Караваны и путники, что издали
В даль безвестную благовеино прошли.

ЛЮБОВЬ РЫЦАРЯ

Девушка-солнце в дворце золотом
В давние годы жила и ждала
Друга души и о счастье вдвоем
Тайно мечтала, тиха и светла.

С войском несметным неведомый князь
Мимо дворца проезжал на коне.
Бросив поводья, он замер, дивясь
Девушке той, что стояла в окне.

— Светлое солнце! Полмира в борьбе
Завоевал я в подарок царю.
Лишь прикажи — и полмира тебе
Я за любовь покорю, подарю.

— Дар твой велик,— отвечает она,—
Только любовью его не зови.
Сердцу иная отрада нужна.
Мир покорив — не докажешь любви.

— Как же мне, солнце, уверить тебя?
Грудь лишь рассечь — остается одно,
Я тебе под ноги брошу, любя,
Сердце мое, что тобою полно.

— Дар твой огромен,— ответ прозвенел,—
Все же любовью его не зови.
Даже и трус от отчаянья смел.
Смертью своей не докажешь любви.

Рыцарь в смятенье — он милой не мил.
Смотрит на девушку, боль затая.
— В мире никто горячей не любил.
Все, что прикажешь ты, выполню я.

— Если ты любишь меня — уходи.
Жди,— я приду, как исполнится срок...—

Девушка юноше розу с груди
Бросила, будто свиданья залог.

Юноша розу, что жарче огня,
К сердцу прижал, и, взглядом одним
С милой простясь, он пришпорил коня
И улетел, будто ветром гоним.

В замке своем, от людей отдался,
Тайных надежд не открыв никому,
Ждет, и мечтает, и слушает князь,—
Не постучится ли счастье к нему.

Сквозь золотистый туман вдалеке
Милой улыбку он видит всегда.
В страстном безмолвии, в жгучей тоске
Ждет он, и мчится на крыльях года.

Мчится года, и потерян им счет.
Пламенный юноша стал стариком.
Все еще ждет он и верит, и вот
В дверь его смерть постучалась тайком.

Будто запели в душе соловьи,—
Гостью он встретил, восторг затая.
Розою веки прикрыл в забытии...
Кончилась грустная сказка моя.

1917
Женева

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Жил некогда в пышных пределах востока
Воитель, защитник родимой страны.
Врага не повергнув, бывало, до срока
Меча боевого не вложит в ножны.

О том, что копье знаменитого мужа
Далече воинзается, знали кругом,—
И, року подобный, неслыханный ужас
И денно и нощно висел над врагом.

И вскоре правдивая лира народа
Широко прославила имя его,
Воспела победы счастливых походов,
Отчины святой над врагом торжество.

Но царь, малодушный и слабый владыка,
Хвалами воителю был уязвлен.
Себя при лучах его славы великой
Ничтожным, униженным чувствовал он.

И, завистью мучим — жестокой, бессонной,
Однажды в палатах за пиром своим
К безвестному воину он благосклонно
Снисходит, беседует ласково с ним,

Потом — полководца минуя коварно,—
Близ трона сажает, улыбкой даря.
И, видя столь черную неблагодарность,
Все молча дивились поступку царя.

Наутро любимец и вовсе прославлен,
Владыка его опоясал мечом,
Начальником он над войсками поставлен,
Герой же — лишь телохранитель при нем.

Тогда возмутилась душа полководца,
И войско разгневал царя произвол,—

И с теми, кто верным в беде остается,
Отважный воитель в изгнанье ушел.

Он взялся за меч, и пошли они следом —
С мечом неразлучен отважных удел,
Он вскоре сразился с тираном-соседом
И княжым престолом его овладел.

И недруги злобные слышат, ликуя,
Что славный воитель, любимец побед,
Уже не вернется на землю родную,
Что буйным набегам препятствия нет.

Забыты страданья и ужас былого,
Труба протрубила тревожную весть,—
И недруг в пределы врага векового
Стремится — насытить кровавую месть.

Рубеж перешел он и вторгся глубоко,
Сжигая деревни, паля города,—
А царский любимец, воитель убогий,
Сбежал, бросив войско, исчез без следа.

На площади, словно вода в полноводье,
Народ собирался густою толпой,
Кричали: — Где доблестный наш полководец,
Защитник, спаситель отчизны святой?

Прочитан царю и его нахарарам
Суровый наказ, — чтобы с просьбою шли
В соседний предел за воителем храбрым
И с честью и славой домой привели.

И царь по совету своих приближенных
Послов избирает из тайных палат
Почтить полководца державным поклоном
И слезно просить возвратиться назад.

Путь долон и труден. Но вот к спарапету
Вошли и, почтительно с ним говоря,
Ласкают изгнанника царским приветом,
Ему сообщают о просьбе царя.

А князь пировал в своем мраморном зале,
С дружиною верной делил он досуг,
Вином изумрудным чаши пылали,
Красавицы девы плясали вокруг.

И вот протянул он торжественно руку,
И музыка смолкла, затихла гульба.
Послы повествуют про горечь и муку,
Что родине бедной послала судьба.

Внимая печально, за родину мучась,
Все ж тайную радость испытывал князь,
Что ныне царя унизительна участь,—
И в знак несогласия рука поднялась.

Смех, музыка залу наполнили спова,
И девы пустились в пленительный пляс.
Послы поднялись, не промолвив ни слова,
И тихо ушли, головами склонясь.

А царство засохло от лязга оружья,
Носились там кони, посевы тонча.
Народ, потрясенный, повергнутый в ужас,
Бежал перед блеском чужого меча.

И вновь собралась нахааров палата.
Трех чтимых старейшин решили избрать
И общую просьбу вельмож и сепата
Изгнанику храброму вновь передать.

Путь долож и труден. Но вот к спарапету
Явились послы и, не прошены сесть,
Желанье совета с учтивым приветом
Ему сообщили, подбавивши лесть.

В то время, пируя, отрадные речи
С друзьями походными вел спарапет,—
В словах оживали минувшие сечи
И громкая слава их общих побед.

И вновь протянул он торжественно руку —
И пышный дворец погружен в тишину.

Послы рассказали про горечь и муку,
Терзающую их родную страну.

С глубокою скорбью внимая рассказу,
В душе колебался взволнованный князь.
Но месть лишь дремала и вспыхнула сразу —
И в знак несогласья рука поднялась.

Все глубже вторгались, как лютые звери,
Враги, рассевая грабеж и раздор.
Несчастный народ, оглушен и растерян,
Не ведал, как сбросить беду и позор.

Прислушалась родина к мудрым селянам,
Сказал старый пахарь: «Мужайтесь! Пойдем
Мы двое, с любимцем народа, гусаном,
И бывшего друга домой приведем!»

И вот снаряжают, собравшись толпою,
Гусана и пахаря в дальний поход:
— Несите любовь и привет наш герою,
Забыть он не может свой верный народ!

Отправились. Пахарь у самой границы
Взял горстку земли и насыпал в кошель.
Горячие кони помчались, как птицы,—
И вот показалась желанная цель.

Уж поздний был вечер. С узорчатых сводов
Струилось сияние паникадил.
Охвачен тоскою сидел полководец,
За широм товарищей мрачно следил.

И, сбросив с плеча звонкозвучную лиру
И взором окинув торжественный зал,
Ударил гусан с вдохновенною силой
И струн золотых языки развязал.

Напевы старинные родины древней
Журчали, как вешних ручьев разговор,
Гусан вдохновенный запел задушевно
О величье сияющих гор.

О зове орла на вершине утеса,
О ярком смарагде волнистых хлебов,
О скоке газелей по горным откосам,
О мирных стадах на просторе лугов;

О ржанье лихом на дорогах знакомых,
На пыльных дорогах родной стороны,
О золоте гроздьев, о пенистых жомах,
О дымах над кровлями в час тишины;

О девушках розах, так любящих кротко,
Его призывающих в горькой тоске,
О славе воителя — слишком короткой! —
Сияющей солнцем — увы, вдалеке!

И с дрожью в руках, с омрачившимся духом,
Со взором, вперенным в видения грез,
И, к сердцу приникнув внимательным слухом,
Он вдаль уносился, а пенье лилось.

Он слушал — и с думою дума боролась.
Был родины скорбен и ласков язык,
Он звал... И покойницы матери голос
Немыслимой сладостью в сердце проник.

И влажные веки отер он ладонью,—
А старый крестьянин неспешной стопой
К престолу подходит и молча, спокойно
Кладет перед князем мешочек с землей.

И пристальный взор устремив, не мигая,
На землю родную изгнаник глядит,—
И с сердцем земля говорит дорогая,
И сердце с землей дорогой говорит.

И так упоительно, неодолимо
И манит и тянет родная земля,—
Беседует с ним об отчизне любимой,
Безоблачным детством мечту веселя,—

Земля, что его родила и вскормила,
Где стали землею и мать и отец.

Народа бессмертного, родины милой
И предков — начало она и конец.

И мнится, он слушать вовек не устанет
Народа взывающий голос вдали.
Как страстно влечет, как властительно манит
Глубинная сила родимой земли!

И руки простерлись, и благоговейно
Он поднял кошель, со слезами в очах,
И подлинно верил, что в это мгновенье
Сокровище мира он держит в руках!

Он плачет, и сердце набухло слезою,
Склоняет могучую голову князь —
И трижды подряд с беспредельной тоскою
Родимую землю целует, склоняясь.

И на ноги встал. Огнегривого вскоре
Подводят ему,— и, не помня о зле,
С друзьями, с кем ведал и славу и горе,
Он мчится к священной родимой земле.

1920

ВЛЮБЛЕННЫЙ НАДО

Гнал скакуна Надо-храбрец
В кочевье, на крутой подъем.
Гнал и пригнал, пригнал и стал
У Гюлизар перед шатром.
Сошел, коня за повод взял,
К столбу, что справа, привязал,
А слева в склон воткнул свое
Стальное, острое копье.
Потом, надменен, горделив,
Идет он, руку положив
На золотую рукоять
Клинка, что храбрецу под стать.
И так, с оружием у бедра,
Отважный входит в глубь шатра
Без промедления и вот
Перед красоткой предстает.

Храбрец Надо и Гюлизар —
Слепой гордыни образцы —
Скрывали друг от друга жар
Сердец влюбленных, гордецы.
Она ждала, что, укрошен,
Он первый в ноги ей падет,
Желал в своем упорстве он,
Чтоб было все наоборот.
Не поклонившись, хмур и зол,
Такую речь Надо повел:
— Кто тебе сказал,
Ах, колдунья ты,
Будто о тебе
Все мои мечты?
Кто тебе сказал,
Ах, колдунья ты,
Будто день и ночь
Изнываю я
В путах красоты?

Нет, любовь мой взор не застлала мглой,
Ни долин, ни гор не застлала мглой.
Есть ли что в тебе,
Ах, колдунья ты,
Чтоб страдать в плену
Горькой маэты?

Правда, сорок кос, все длиной до пят,
Вдоль твоей спины вьются и скользят.
Но в них блеска нет, перелива нет,
Хесть и сорок кос, все же дива нет!

Правда, притаясь, точно две змеи,
Глубиной манят всех глаза твои,
Но они огнем не озарены,
Как душа твоя, и глаза черны!

Правда, ты стройна, ростом высока,
Высока, стройна, в талии тонка.
Все ж твой стройный стан с тополем не схож,
С гибким тростником не сравнится все ж.

Разодета ты в бархат и атлас,
Но румянец щек не ласкает глаз.
На лице твоем родинки рядом,
Но сравню ль щеку с алым лепестком?
Мне любви туман взор не заволок,
Золотых долин, гор не заволок.

Знай же, убедись, вздоха не издам,
Не колеблясь, я от тебя уйду.
Я пойду бродить по горам, долам,
Брошусь в бой с врагом, смерть в бою найду.
Упаду в траву на туманный луг.
Имени, каким нарекли тебя,
Не произнесу в час предсмертных мук.
И не буду, знай, я желать, любя,
Чтобы надо мной в тот последний час
Твой склонялся лик, речь твоя лилась.

Промолвив так точь-в-точь,
Надо уходит прочь.

На речи молодца
Она — ни полсловца.

Покинул гость жилье,
Он выдернул копье,
Узду с прикола рвет,
Ускакет прочь вот-вот.

И вдруг... стерпеть не смог,
Упал он на порог.
Коленопреклонен,
Пощады молит он:

— Ах, ангел, неба лучший дар,
Любовь моя, ах, Гюлизар!
Бог видит, видишь ты сама,
Что лгу я, лгу, сошел с ума.
Смертельный не снести удар,
На части сердце рвется, яр.
Красотки в мире не сыскать,
Которая тебе под стать.
Изранена моя душа.
Ты хороша, ах, хороша,
Так хороша!

1934
Париж

СКИТАЕЦ-СЫН

Усталый, с посохом в руке, с поникшою головой
Вернулся я в свои края, в свое родное село.
Иду, волненье затая, скиталец еле живой.
Из-за семи морей и гор вернулся в наше село.

Едва на улицу ступил — друг детства встретился мне.
Кидаюсь я его обнять с повеселевшей душой:
— Ну вот и свиделись опять! И где! В родной стороне!
Узнал иль нет?.. — Молчит в ответ и прочь идет, как чужой.

В тревоге дальше путь держу, вот дом желанной моей.
Она, печалясь, на крыльце выходит с розою в руке.
— Сестрица, глянь в мое лицо, узнай меня, пожалей.—
Молчит в ответ, надежды нет, и дальше бреду в тоске.

К родному дому подошел, увидел старую мать.
Сказал: — Прости, нет сил идти, твой поздний гость
изнемог! —
В слезах она, любви полна, спешит пришельца обнять:
— Ты ль, мальчик мой, опять со мной? Дитя мое, мой
сынок!..

1902
Шуша

НАРОДНАЯ ЛИРА

Над Сербией блещет кривой ятаган
И каркают вороны, пьяные кровью.
Исхлестанный воздух горяч и багрян.
И ветер разносит рыдание вдовье.

Тиран Абдулла, кровожадный паша,
Пирует в Белграде, победою пьяный.
Ослушников войско во прах сокруша,
Он счастлив богатой подачкой султана.

Замученной Сербии лютый палач
Сидит на резном перламутровом троне.
Шербет, словно кровь непокорных, горяч,
И золото чаши пылает в ладони.

Кругом янычары, что рады и впредь
Разбойничать, лишь бы платили сполна им...
На блюдах дымится обильная снедь,
Струится шербет полноводным Дунаем.

Зловещий подсчет веселит янычар:
По многу ль голов они в битве отsekли?
Бахвалятся, спорят — чей крепче удар,
Бранятся, хоочут, как дьяволы в пекле.

— Эй, старого Мирко введите-ка в зал!
Его четырех сыновей мы забрали.
Отвагу мятежников он воспевал,
Властителей славу воспеть не пора ли.

И Мирко-гусяляр входит, словно во сне,
Он слышит застольный прерывистый гомон.
Присев на скамью ото всех в стороне,
Глазами незрячими водит кругом он.

— Послушай, стариk,— возглашает паша,—
Во прах уничтожил я Сербию вашу,

Но знаю, что песня твоя хороша,
Твой редкостный дар по заслугам уважу.

Не зря приведен ты на праздничный пир:
Прославь меня песней на вечные годы.
Пускай меня помнит и чествует мир,
Покуда есть небо, и суши, и воды.

Наградой паша соблазняет певца:
Алмазами, золотом — жизнью богатой,
Но Мирко молчит, не поднимет лица,
И зал замирает, смущеньем объятый.

— Эй, Мирко-гусяляр, начинай поживей!
В свидетели я призываю аллаха:
Верну тебе всех четырех сыновей,
И вместе домой вы пойдете без страха!

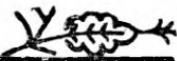
И чудится Мирко, что с ним сыновья
Домой возвращаются живы-здоровы...
Но горько молчит он, печаль затая.
На пиршестве пышном не слышно ни слова.

Разгневанно смотрит на Мирко паша,
И властью, и кровью, и яростью пьяный,
А Мирко-слепец, через силу дыша,
Молчит и темнеет, как в бурю Балканы.

— Проклятый гяур, я сказал тебе: пой!
Не то берегись, как бы ты не заплакал!
Коль будешь упрямиться, дурень слепой,
Сейчас посажу сыновей твоих на кол!

И чудится Мирко: ведут сыновей
И на кол сажают, и в горестной муке
Пытается гусле наладить скорей,
Но жалко дрожат непослушные руки.

Касается струн переливчатых он,
Мерещатся старому стоны страдальцев,
Но спрятался в гусле серебряный звон,
Не слушают струны немеющих пальцев.

О, как же спасти ненаглядных сынов!
Измучилось сердце от тайных страданий,
Душа не находит угодливых слов,
И голос певца замирает в гортани.

Все чудится: блещет кривой ятаган
Над Сербией милой, над вольною волей,
Пьют вороны кровь из бесчисленных ран,
Багряный туман поднимается с поля...

И Мирко вскочил — не стерпелось душе,
Он гусле отбросил — струна зазвенела,
Открыто, бесстрашно кричит он паше
Правдивое слово, что в сердце горело:

— Пытайте, казните, в вас нету стыда,
Убийцы безвинных, позорище мира!..
Но помните вы, что народная лира
Не лжет никогда!

1917
Женева

ЕВРЕЙСКАЯ ЛЕГЕНДА

Чтоб первый человек был сотворен,
Господь земли взял с четырех сторон,
Он юг и север, запад и восток
Соединил,— смешал их землю он,
Чтоб человек, куда бы ни забрел,
Везде бы дома чувствовал себя,
Когда же смерти прозвучит глагол,
Провозглашая, что всему конец,
Все люди получали б на земле
В ее объятиях покой сердец.

1935
Париж

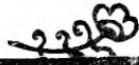

МЕДВЕДЬ И ЗМЕЯ

С Медведем дружбу завела Змея —
Водой не разольешь: одна семья!
И клятву верности друг другу дали,
И с этих пор они
Совместно проводили дни —
Гуляли, ели, ночью рядом спали.
Душевно, чинно и без пререканья,
Друг к другу преисполнены вниманья,
Они дружили долгие года,
Да только вот Змей немое пресмыканье
Не нравилось Медведю никогда.
Случилось как-то раз, на берегу высоком,
Стоял Медведь, дыханье затая,
И вдруг увидел он, увидел ненароком,
Как, словно вор, тайком к ручью ползла Змея.
Сомнение Медведя охватило,
В груди его волненье поднялось:
«Нет! Будь ты друг иль брат, сдержаться я не в
силах!
Моей душе противно и постыло
Все то, что движется ползком и вкривь и вкось!»
И вмиг разделавшись с пятнистым, мерзким гадом,
Медведь расправил лапой труп Змееи
И сбросил со скалы в ручей, бегущий рядом,
В холодный блеск его прямой струи.
И, глядя вслед Змееи, чей труп, воде послуженный,
Тупой стрелой мелькал среди камней,
Медведь заметил так: «Быть надо прямодушной.
Отныне прям твой путь! Вот так-то, друг, верней!»

1927

ОСЕЛ И КРЕСТЬЯНИН

Однажды летнею порой
Мужик навьюченного гнала осла.
Перевалив через подъем крутой,
Мужик был весь в поту...
Тропа на мельницу вела.
Так жаркой летнею порой
Мужик с горы устало брел,
С поклажей тяжкой шел осел,—
Был каждый изнурен...
О счастье! Близ дороги той
Среди ветвей
Журчал ручей,—
Вода прохладна и чиста,
В ней сладко омочить уста.
Мужик от счастья сам не свой,
Воды напился ключевой,
И вот почти иссяк родник...
Затем мужик
С осла поклажу тут же снял,
На пышный луг его погнал
И лег под сенью дуба сам,—
Мгновенно сон слетел к глазам,
Его в блаженство погрузил...
Когда же вновь глаза открыл —
Увидел вдоль пути двоих,
Заметил: «Страшен облик их,
Вот скоро подойдут, грозны,
И оба вооружены».
Мужик от страха стал дрожать,
Кричит ослу: — Эй ты, дурак!
Вставай скорей, пора бежать!

— Хозяин, что ж пугаться так?
Пылает солнце, тяжек зной,
Не лучше ли остаться тут??!
— Грабители пришли, урод!
— Что за беда? Пришли — уйдут.
— Но ведь тебя же уведут!
Скорее! Время-то не ждет!
— Мне наплевать! Спеши ты сам,
Мне все равно быть здесь иль там,—
Таскать поклажу — жребий мой.
Покой мне дорог. Не хочу
Брести в жару, я изнурен! —
Осел воскликнул, осмелев...
И, повалясь под сень дерев,
Он в сладкий погрузился сон.

1932

САТАНА И ЕГО ДОЧЕРИ

Трех дочерей имел всесильный Сатана,
И, кроме трех, была еще одна.
Дочь старшую за князя выдавая,
«Ты будешь «Гордостью»! — ей Сатана сказал.—
Ты будешь «Жадностью» отныне, дочь вторая,
Тебя купец богатый в жены взял.
Ты, третья дочь моя, уходишь в дом к поэту,
Ты будешь «Завистью» навеки с этих пор,
Других имен вам трем отныне нету!» —
Так прозвучал отцовский приговор.
А дочку младшую, с горячей, пылкой кровью,
Что ближе всех всегда была ему,
Рогатый Сатана в сердцах назвал «Любовью»
И отдал человечеству всему.

1939

ПРИМЕЧАНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

«УЖ СОЛНЦЕ ЗА ВЕРШИНОЙ ГОР...»

Весы — зодиакальное созвездие.

Яр — возлюбленный, возлюбленная.

Эчмиадзин — город в Армении близ Еревана. Резиденция главы армянского духовенства — католикоса. Славится крупнейшими памятниками древней архитектуры. До революции здесь была широкоизвестная духовная академия, где учился Аветик Исаакян.

«Я ДАМ ТЕБЕ ДУШУ, ТЫ ДУШУ МНЕ ДАЙ...»

Икдайр — армянский город, ныне в составе Турции.

«ХОЧЕШЬ СТАНУ РОСОЮ ПЕЧАЛИ...»

Харич — село в Армении.

«НОЧЬЮ В САДУ У МЕНЯ...»

Александраполь — ныне Ленинакан, второй город Армении.

«НОЧЬ ПОДОШЛА, ПРОХЛАДЫ ПОЛНА...»

Аргинá — армянское селение близ Карса, с историческими памятниками.

МОЕЙ МАТЕРИ

Джан — милая, милый, родная, родной — ласкательное обращение.

«СХОРОНИТЕ, КОГДА Я УМРУ...»

Алагáз, или *Арагáц*, — горный массив в Армении. Самая высокая вершина Закавказья — 4090 км над уровнем моря. Славится своими родниками, лугами, пастбищами.

Мантáш — нагорье и долина близ Арагата.

Газарапáт — деревня близ Ленинакана. Здесь родился Аветик Исаакян.

«В ДОЛИНЕ, В ДОЛИНЕ САЛНО БОЕВОЙ...»

Сáлно — местность в Западной Армении.

Гайдук — партизан, герой, мститель за народные обиды.

«ЗИМА УШЛА, ВЕСНА ИДЕТ...»

Басéн — город в Западной Армении.

«БЫЛ БЫ НА АРАЗЕ У МЕНЯ БАШТАН...»

Ара́з — народное название реки Аракс — притока Куры. С этой главной рекой страны, армянской «матушкой-рекой», связано множество песен, сказаний, легенд. Как и озеро Севан, или гора Арагат, издавна река Аракс стала для армян символом родины.

Баштán — огород, цветник.

Шушáн — женское имя, в переводе Лилия. *Шушик* — ласкальное от Шушан.

КОЛОКОЛ СВОБОДЫ

Масúc — армянское название горы Арагат.

«БЫСТРОЛЕТНЫЙ И ЧЕРНЫЙ ОРЕЛ...»

Карс — один из древних городов Армении. С 1878 года до конца первой мировой войны входил в состав России. По Карскому договору 1921 года вошел в состав Турции.

«ВЕТЕР БЬЕТСЯ О МОЙ ПОРОГ...»

Константинополь — ныне город Стамбул в Турции.

«ТВОИХ БРОВЕЙ ДВА СУМРАЧНЫХ ЛУЧА...»

Измít — город на западе Турции.

ПАМЯТИ ПЛЕМЯННИКА МОЕГО ИСААКА ИСААКЯНА

И. Исаакян (1893—1916) — воин русской армии, участник первой мировой войны, погиб в боях под Эрзерумом.

НАШИ ИСТОРИКИ И НАШИ ГУСАНЫ

Стихотворение посвящено тысячелетию народного эпоса «Давид Сасунский».

Айастán — так армяне называют Армению.

Гусáны — народные певцы, сказители.

Цахкадзор — буквально: «Долина цветов». Климатическая станция, дачная местность в Армении. Известен также своим спортивным комплексом.

НОВОГОДНЕЕ УТРО

Арпаčái, или *Aхурáն* — река в Армении, впадает в Аракс.

БОЕВОЙ КЛИЧ

За стихотворения «Боевой клич», «Моей родине», «Сердце мое на вершинах гор...», «Вечной памяти С. Г. Загияна», «День великой победы» и другие в 1946 году Аветику Сааковичу Исаакяну присуждена Государственная премия первой степени.

ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ С. Г. ЗАГИЯНА

С. Г. Загиýн — полковник Советской Армии, участник Великой Отечественной войны, геройски погиб в боях за Родину.

АРМЯНСКОЕ ЗОДЧЕСТВО

Т. Тораманян (1884—1934) — крупный архитектор, знаток и представитель памятников древней армянской архитектуры.

Гайк — герой древнего эпоса, богатырь, мифический прародитель армян.

АВИКУ

Стихотворение посвящено внуку поэта — Авику Исаакяну, ныне молодому ученому-литературоведу, занятому исследованием творчества своего деда.

АРАГАЦУ

Это и последующие одиннадцать стихотворений взяты из большого цикла стихов «Песни Алагяза», писавшегося в разное время на протяжении двадцати с лишним лет. Связанность, единство мотивов делают цикл похожим на лирическую поэму.

«ШАР СОЛНЕЧНЫЙ С ВОСТОКА ПЛЫЛ...»

Зарб, или *Зард* — армянское женское имя. Героиня цикла стихов, павевший красивой природой Арагаца.

ПЕРИ ОЗЕРА

Пери — в персидской мифологии добрая фея, иносказательно — красавица, волшебница.

ПОЭМЫ

АБҮЛ АЛА МААРИ

В подлиннике название поэмы пишется — «Абу-Лала Маари». Это произведение Исаакяна пользуется всемирной известностью, переведено на многие языки. В послевоенные годы поэма была удостоена Почетной ленты Французской Академии. Свои горькие думы и чувства, свое решительное неприятие эксплуататорского общества, построенного на обмане и насилии, Исаакян вложил в уста лирического героя, вспенне наделив его чертами реального исторического лица — крупного арабского поэта и мыслителя XI века Абуль-Ала аль-Маари. И самой поэме придал необычную форму, принятую на Востоке.

Касбда — форма восточной поэмы, написанной длинными двустишиями.

Сура — песня или глава. На суры делится также священная книга мусульман — Коран.

Гюлистан — сад роз.

Газель — форма небольшого восточного стихотворения, состоящего из двустиший с определенной системой рифмовки.

Шехерезада, или *Шахразада* — герояня арабской книги сказок «Тысячи одной ночи».

Дрот, *дротик* — короткое четырехгренное метательное копье, употреблявшееся в древности и в средние века.

Синай — имеются в виду высоты на юге Синайского полуострова. Ныне входит в состав Арабской Республики Египет. Большой частью представляет пустыню с отдельными оазисами.

Ибліс — злой дух, демон по мусульманской мифологии.

Випера — гадюка.

Геджас — северо-западная часть Аравийского полуострова.

Шард — восточный музыкальный инструмент.

Дженнат — рай по мусульманскому вероучению.

Затёр — многолетнее травянистое растение с сильным запахом.

Аль-Коран, или *Коран* — священная книга ислама, содержащая изложение мусульманского вероучения. Так же, как и Библия, священная книга христиан, Коран во многом представляет собрание легенд и мифов.

Шемс — древний бог солнца у арабов.

Шюкр — приветствие, благословение на Востоке.

Зороастр, или *Заратустра* — пророк, мифический основатель древнего религиозного учения, распространенного в Персии, Средней Азии и других восточных странах.

Купель — большой сосуд, в который погружают ребенка при церковном обряде крещения.

Самүм — знющий сухой ветер пустынь.

Бедуин — араб-кочевник.

Сапфир — синий драгоценный камень.

МГЕР ИЗ САСУНА

Эта поэма основана на материале армянского народного эпоса о жизни и делах сасунских богатырей — «Давид Сасунский».

Мгер — младший из героев народной эпопеи, сын Давида.

Сасун — горная область в Западной Армении. Славилась храбростью и свободолюбием населения.

Мысыр — в эпосе собирательное название арабских стран, а также название Египта.

Хандут — жена богатыря Давида, мать Мгера.

Джоджанский трон — родовой трон сасунских богатырей.

Джоджы — богатыри, *Джоджанц* — родовое имя Мгера и других менее значительных героев поэмы.

Чинхапорик — брат богатыря Давида, дядя Мгера. Имя это насмешливое, буквально означает «Воробышний Живот» и указывает на склонность того, кому дано это прозвище. Вообще в эпосе нередко к основному имени героя прибавляется меткое прозвище — например, Горлан-Оган.

Немрут — гора в Сасуне.

Банджар — дикорастущая съедобная трава.

Синдз — дикорастущая съедобная трава.

Ангэх — река в Сасуне.

Андбк — гора в Сасуне.

Дэв — демон, дьявол.

Вишап — дракон, чудовище.

Марута — название горы и монастыря в Сасуне.

Капуткх — местность недалеко от озера Ван, родина Хандут — матери Мгера. Здесь живет его дед по матери.

Тева-Торбс — старший брат Хандут, дядя Мгера по матери.

Аррючаберд — буквально: «Львиная крепость», название главной Сасунской крепости.

Чапахджур — равнина в Сасунском kraе.

Востан — название города, *Латар* — название области. В этих местах странствует Мгер.

Ступа — металлический (из меди, чугуна) тяжелый сосуд для толчения соли, зерен.

Медный город — мифический город из камня и меди.

Сим — гора в Сасуне.

Цовасар — гора в Сасуне.

Сехан-гора — буквально: «Стол-гора».

Маратук — гора в Сасуне.

Ццмакакйт — скалистый выступ на горе Сим в Сасуне.

Гишт и халам — накидка и головной убор из шкуры убитого зверя.

Таронский лог — Таронская долина в области Тарон, близ города того же названия в Сасунском kraе.

Арацани — река в Тароне.

Каркэ — гора в Тароне.

Арэв-Аррйнч — торговый город в Таронской области.

Вишапаберд — название крепости в Тароне, буквально: «Драконова крепость», «Драконово гнездо».

«Мгерова месть» — так называл Мгер крепость, которую построил среди высоких, неприступных скал Сасуна, чтоб она служила защитой для бесправного трудового люда.

Меч Авлунй — название Меча-молнии сасунских богатырей.

Сално, Ворота Цопац, Хут, Гыргур — географические названия горных высот, ущелий, поселений в Западной Армении.

Муш — город в Западной Армении.

Горлан-Оган, Хор-Гусан, Тар-Воробышек, Хор-Манук, Вжик-Мхе, Бринац-Курник, Джодж-Вирап, Чох-Вирап — имена старшин, глав джоджанского дома сасунцев.

Сепухи — всадники, привилегированное сословие в Средневековой Армении.

Ван — озеро и город в Западной Армении.

Тоспин — холм у озера Ван, на котором помещается Воронева пещера, согласно преданию упрятавшая Мгера с конем.

Сиплин — название горы.

Циплин — название озера.

БАЛЛАДЫ

Баллады Исаакяна по построению близки к английской форме баллад. Это — сюжетные лиро-эпические небольшие поэмы строго строфической формы. Странятся они на фантастическом, легендарно-историческом или бытовом материале.

ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

Тадмёр — фантастический дворец, воздвигнутый в Ливанской пустыне и имеющий 700 мраморных колонн.

Вайй — так называются листья пальм и папоротниковых растений.

Эль-Сама́н — арабское мужское имя.

Нунуфáр — цветок из семейства кувшинковых, род водяной лилии.

Ливан — здесь имеется в виду Ливанский хребет, чьи подножия омываются волнами Средиземного моря.

Сидён — древний финикийский город на берегу Средиземного моря. На его месте ныне находится небольшой ливанский город Сайдá.

Алэ — субтропическое растение с сочными листьями.

Мускус — сильно пахучий продукт животного или растительного происхождения. Содержится в некоторых видах *ферулы* — крупного многолетнего травянистого растения семейства зонтичных.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Нахарár — феодал, владетельный князь в древней Армении.

Спаратéт — военачальник, главнокомандующий всеми войсками в древней Армении.

Паникадило — подвесной светильник о многих свечах, церковная люстра.

Смарágд — то же что *изумруд* — драгоценный камень зеленого цвета.

Жом — выжимки, в данном случае выжатый в давильне виноградный сок.

ВЛЮБЛЕННЫЙ НАДО

Надб — курдское мужское имя.

Гюлизár — курдское женское имя.

Склон — скат, наклонная поверхность холма.

Маeta — в просторечии: мучение, беспокойство, что-либо мучительное, изнурительное.

Л Е Г Е Н Д Ы

Исаакян живо интересовался легендами других народов, поэтическими преданиями о каком-либо замечательном событии или о выдающемся поступке отдельного человека. У него много стихотворений и новелл, построенных на материале народных преданий.

СКИТАЛЕЦ-СЫН

Шушá — город в Нагорно-Карабахской автономной области.

НАРОДНАЯ ЛИРА

Произведение написано на основе сербской легенды XVIII века, когда южные славяне вели национально-освободительную борьбу против турецких захватчиков.

Ятагáн — кривой турецкий кинжал.

Абдуллá — турецкое мужское имя.

Пашá — титул высших военных и гражданских сановников в старой Турции.

Султán — титул турецких монархов.

Шербéт — сгущенный сироп из фруктов.

Янычáры — привилегированная пехота в султанской Турции.

Мýрко — сербское мужское имя.

Аллáх — то же, что Алла — бог у мусульман.

Гяýр — по-турецки означает «неверующий». Общее название у мусульман для всех иноверцев и особенно христиан.

Гусlé — струнный смычковый музыкальный инструмент у южных славян.

Б А С Н И

Исаакяна привлекал также жанр притчи или басни. Он писал небольшие аллегорические стихотворения нравоучительного характера.

САТАНА И ЕГО ДОЧЕРИ

Сатанá — по религиозному преданию, олицетворенное злое начало, злой дух, дьявол.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

<i>С. Гайсарьян. Автобиография</i>	3
------------------------------------	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

<i>«Уж солнце за вершиной гор...» Перевод А. Блока . . . . .</i>	15
<i>«Ночью в саду у меня...» Перевод А. Блока . . . . .</i>	—
<i>«Я дам тебе душу, ты душу мне дай...» Перевод С. Шервинского . . . . .</i>	16
<i>«Хочешь — я росою в очи...» Перевод М. Дудина . . . . .</i>	—
<i>«Певец я — птица в вышине...» Перевод А. Ахматовой . . . . .</i>	17
<i>«Товарищ, вперед!..» Перевод В. Державина . . . . .</i>	—
<i>«Один, без друзей, я в твой крутень попал...» Перевод В. Державина . . . . .</i>	18
<i>«В груди моей — радость творенья...» Перевод В. Державина . . . . .</i>	19
<i>Моей матери. Перевод А. Блока . . . . .</i>	20
<i>«Ночь подошла, прохлады полна...» Перевод В. Рождественского . . . . .</i>	21
<i>«В бездне бед житейского моря...» Перевод В. Державина . . . . .</i>	—
<i>«Вот я какой увидел сон...» Перевод А. Ахматовой . . . . .</i>	22
<i>«Я болен, родная, истерзан душой...» Перевод В. Звягинцевой . . . . .</i>	23
<i>«Издалека в тиши ночной...» Перевод А. Блока . . . . .</i>	24
<i>«Мечтой я на дальних бродил берегах...» Перевод В. Державина . . . . .</i>	—
<i>«От алой розы, розы любви...» Перевод А. Блока . . . . .</i>	25
<i>«Не глядись в черный взор...» Перевод А. Блока . . . . .</i>	—
<i>«Косули в сумрак пронеслись...» Перевод С. Шервинского . . . . .</i>	26
<i>«Шумно та звезда упала...» Перевод А. Ахматовой . . . . .</i>	—
<i>«Подружка, стану я землей...» Перевод Т. Спендиаровой . . . . .</i>	27
<i>«Мне снилось море. В нежной...» Перевод М. Дудина . . . . .</i>	—
<i>«Схороните, когда я умру...» Перевод А. Блока . . . . .</i>	28
<i>«Видит лань — в воде...» Перевод А. Блока . . . . .</i>	—
<i>«На обочине горной тропы...» Перевод В. Звягинцевой . . . . .</i>	—
<i>«От жгучего горя сердце мертвое...» Перевод А. Ахматовой . . . . .</i>	29
<i>«Повстречались мы через много дней...» Перевод В. Рождественского . . . . .</i>	—
<i>«Эй отчизна-джан, как прекрасна ты...» Перевод Н. Тихонова . . . . .</i>	30
<i>«В долине, в долине Сално боевой...» Перевод А. Блока . . . . .</i>	31
<i>«Мне снилось: я раненный в сердце лежал...» Перевод А. Блока . . . . .</i>	—
<i>«Зима ушла, весна идет...» Перевод С. Шервинского . . . . .</i>	32
<i>«Был бы на Аразе у меня баштан...» Перевод А. Блока . . . . .</i>	—
<i>«Моя душа объята тьмой полночной...» Перевод И. Бунина . . . . .</i>	33
<i>«Померкла душа от страданий земли...» Перевод В. Державина . . . . .</i>	—
<i>«Стосковался по родной стороне...» Перевод Т. Спендиаровой . . . . .</i>	34
<i>«Дни золотой весны пришли опять...» Перевод В. Державина . . . . .</i>	35
<i>«Караван мой бренчит и плетется...» Перевод А. Блока . . . . .</i>	36
<i>«Как с громом тучи выплыли в простор...» Перевод В. Брюсова . . . . .</i>	37
<i>«Льет любящее сердце кровь...» Перевод К. Липскерова . . . . .</i>	—

Келокол свободы. Перевод Н. Тихонова	38
«Жизнь мою вы в грязу превратили...» Перевод В. Державина	39
«С дальних морей, из пустынь без границ...» Перевод М. Зенкевича	—
«Никто не понял скорбных слез моих...» Перевод В. Звягинцевой	40
«Сорванную розу ветке не вернуть...» Перевод В. Брюсова	—
«Да, я знаю, всегда есть чужая страна...» Перевод А. Блока	41
«Душа — перелетная бедная птица...» Перевод Б. Пастернака	—
«Быстро летный и черный орел...» Перевод А. Блока	42
«В разливе утренних лучей...» Перевод А. Блока	—
«Враждует с человеком человек...» Перевод В. Звягинцевой	43
«Возмездия и ненависти ад...» Перевод Н. Чуковского	—
«В далеких горах Гималайских сейчас...» Перевод В. Державина	44
«У кого так поет ретивое...» Перевод Б. Пастернака	—
«Мне снился сон. Во сне плыла...» Перевод М. Дудина	45
«Что, слава, власть и взгляд желанной...» Перевод В. Державина	—
Ты не поймешь. Перевод В. Звягинцевой	46
«Безвестна, безымянна, позабыта...» Перевод В. Брюсова	47
«Далеко, далеко...» Перевод Н. Чуковского	—
«Встер бьется о мой порог...» Перевод В. Державина	—
«Мне грезится: вечер мирен и тих...» Перевод А. Блока	48
«Вновь вишия старая цветет...» Перевод Н. Чуковского	—
«На берегу реки родной...» Перевод Н. Павлович	49
«Твоих бровей два сумрачных луча...» Перевод В. Брюсова	—
«Где я, покинув дом родной...» Перевод М. Павловой	50
«Старый друг, родник...» Перевод В. Звягинцевой	—
«Рано поутру...» Перевод В. Звягинцевой	51
«На ниве под моим окном...» Перевод О. Румера	52
Две птички. Перевод Ю. Верховского	54
«Мне сказали: «Давно умерла твоя мать...»» Перевод А. Ахматовой	55
«Был бы я ветерком...» Перевод С. Шервинского	—
«Когда ты тесней...» Перевод В. Рождественского	56
Первые слезы. Перевод В. Звягинцевой	—
«С утратой того, что любимо...» Перевод А. Ахматовой	57
В Равенне. Перевод М. Дудина	—
«За что, за что ко мне ты зла...» Перевод М. Петровых	58
К родине. Перевод В. Звягинцевой	59
Моей родине. Перевод В. Державина	—
Родине. Перевод В. Державина	60
Детство. Перевод Н. Чуковского	61
Наши историки и наши гусаны. Перевод М. Зенкевича	62
Новогоднее утро. Перевод В. Звягинцевой	63
«Беззатежная ночь! Один я сижу...» Перевод Н. Чуковского	64
Привет всем. Перевод Н. Чуковского	65
Боевой клич. Перевод В. Звягинцевой	66
Песня птиц. «Золотятся зарей облака...» Перевод Эм. Александровой	68
«Однажды девочка, резвясь...» Перевод А. Ахматовой	—
«Сердце мое на вершинах гор...» Перевод М. Зенкевича	70

Вечной памяти С. Г. Загияна. Перевод А. Ахматовой	71
Армянское зодчество. Перевод М. Петровых	72
День великой Победы. Перевод Н. Тихонова	73
Авику. Перевод В. Звягинцевой	74
 Из цикла «Песни Алагяза»	
Арагацу. Перевод В. Державина	75
«Шар солнечный с востока плыл...» Перевод А. Ахматовой	—
Пери озера. Перевод Н. Чуковского	76
«В вечерний час в простор полей...» Перевод М. Павловой	—
«Небо чистое, звезды горят...» Перевод М. Павловой	77
Песня Зоро. Перевод Б. Пастернака	78
Сказка. Перевод М. Павловой	—
Песни девушек. «На вершине горы снег блестит первозданный...» Перевод А. Ахматовой	80
«Соловью, что в саду моем ночью поет...» Перевод Эм. Александровой	—
«Я к Заро на рассвете пришел...» Перевод А. Ахматовой	81
«Мне озеро привиделось во сне...» Перевод А. Ахматовой	—
«Буду жертвой твоей, только дверь мне открой...» Перевод А. Ахматовой	82
 ПОЭМЫ, БАЛЛАДЫ, ЛЕГЕНДЫ, БАСНИ	
Поэмы. Абул Ала Маари. Перевод В. Брюсова	85
Мгер из Сасуна. Перевод К. Липскерова	103
Баллады. Вечная любовь. Перевод В. Державина	128
Любовь рыцаря. Перевод М. Петровых	131
Родная земля. Перевод С. Шервинского	133
Влюбленный Надо. Перевод Т. Спендиаровой	139
Легенды. Скиталец-сын. Перевод М. Петровых	142
Народная лира. Перевод М. Петровых	143
Еврейская легенда. Перевод А. Ахматовой	145
Басни. Медведь и Змея. Перевод С. Михалкова	146
Осел и крестьянин. Перевод А. Ахматовой	147
Сатана и его дочери. Перевод С. Михалкова	149
<i>Примечания</i>	150

Д л я с р е д н е й ш к о л ы

Аветик Исаакян

СЕРДЦЕ МОЕ НА ВЕРШИНАХ ГОР

Ответственный редактор
Р. Д. Кафриэлянц.

Художественный редактор
А. В. Пацина.

Технический редактор
Л. В. Гришина.

Корректоры

Л. И. Дмитрюк и Э. Н. Сизова.
Сдано в набор 16/V 1975 г. Подписано
к печати 9/IX 1975 г. Формат
84×108^{1/32}. Бум. типогр. № 1. Печ.
л. 5,06. Усл. печ. л. 8,5. Уч.-изд.
л. 7,76+1 вкл.=7,79. Тираж 100 000 экз.
Цена 48 коп. Заказ № 909. Орден
на Трудового Красного Знамени
издательство «Детская литература».
Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени
фабрика «Детская книга» № 1 Рос-
главполиграфпрома Государственного
комитета Совета Министров РСФСР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Москва, Сущен-
ский вал, 49.

Исаакян А.

И85   Сердце мое на вершинах гор. Пер. с арм. Состав-
ление, вступительная статья и примечания С. Гай-
сарьяна. Оформл. Н. Кравченко. М., «Дет. лит.»,
1975.

159 с. с ил. (Школьная б-ка).

Книга избранной лирики. Издается в связи с 100-летием со
дня рождения великого армянского поэта-классика.

С(Арм)

48 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»